

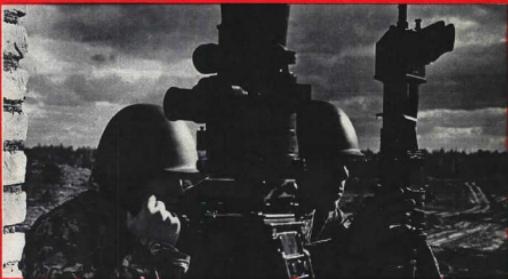
Смена

№ 4 ФЕВРАЛЬ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СИБИРЬ.
РУКИ МОЛОДЫХ
ПРЕОБРАЖАЮТ ЭТУ ЗЕМЛЮ

СОЛДАТСКАЯ ДОБЛЕСТЬ

ЛЕНИНСКИЙ ЗАЧЕТ

Олег ЗИНЧЕНКО,
подполковник,
помощник начальника Главного
политического управления
Советской Армии
и Военно-Морского Флота по
комсомольской работе

В исходу суток подразделения начали выходить к назначенному рубежу. Нужно было с ходу прорвать оборону «противника». Люди устали. Бессонные ночи, длительные переходы, огромные смены служб, вынужденное перебрасывание машин, измотали солдат. Но каждый помнил, что в районе, где сейчас проходят учения, в годы войны мужественно сражались с гитлеровцами части их дивизии. И солдатам казалось, что за каждым их шагом молча наблюдают те, для которых эта земля навсегда осталась последним рубежом. Они как-то особенно остро обозначили себя наследниками героев и стремились в этом походить на них.

Вот рота имени Героя Советского Союза рядового Константина Шеста-

Фото Германа МАКАРОВА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ

кова вышла к высоте, похожей на ту, у которой в годы войны совершил свой бессмертный подвиг рядовой Шестаков. Он должен был прорвать вражеский пехотный расчет, огнем приковав к земле его товарищев. Пули свистели над головой, но Шестаков, маскируясь за камнями и кустами, упорно двигался вперед. Даже ранение не остановило бойца. Превозмогая боль, он метнул гранату и уничтожил расчет, а потом лег за пулемет и начал вести огонь по гитлеровцам. Кончились патроны, и тогда француз, окруживший Шестакова, решил взять его живым в плен. Константин последний гранатой взорвал себя и окруживших его врагов... С того дня герой Советского Союза Константин Шестаков навечно зачислен в списки гвардейского подразделения.

И теперь, спустя много лет, у высо-

ты идет комсомольское собрание роты, а Константин Шестаков, не-зрячий, но вечно живой, вместе с младшими солдатами, обсуждает план завтрашней действий. Решение было принято единогласно: «Действовать на учениях, как в бою, не уронить чести роты, носящей имя героя».

А на рассвете воины ющетаковской роты встали на лыжи и, поравнив все цели, вслед за танками первыми ворвались на передний край обороны противника. Личный состав роты получил благодарность за активные действия на учениях.

Я начал свой рассказ о жизни воинов-комсомольцев армии и флота с этого эпизода, потому что он, на мой взгляд, лучше всяких общих фраз показывает напряженные будни обычновенных парней, носящих сегодня солдатскую форму.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 4 [1970]
ФЕВРАЛЬ
1971

НАША ОБЛОЖКА:
НА ЗЕМЛЕ
УСТЬ-ИЛИМСКОЙ

Фотоочек «Огни Усть-Илимска»
смотрите на страницах
12 - 17.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

2

ОРУЖИЕ РЕВОЛЮЦИИ.
РАССКАЗЫВАЕТ
МАРШАЛ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
С. М. БУДЕННЫЙ.

20

ЮНОСТЬ
ОБЛИЧАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ПЕРВАЯ СТРАНИЦА НАШЕГО
ДОСЬЕ НА ГЛАВНОГО
ПРЕСТУПНИКА XX ВЕКА.

24

БЕЛАЯ СТИХИЯ.
ОЧЕРК О ГОРНОЛЫЖНИКАХ.

27

ВОРОНИЙ МЫС.
ВОЕННАЯ ПОВЕСТЬ
МИХАИЛА БАРЫШЕВА.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ТВОРЧЕСТВО. ГОВОРИТ
ФРЕЗЕРОВЩИК ОДЕССКОГО ЗАВОДА
СВЕРХТОЧНЫХ СТАНКОВ

СТОЛЕТИЕ ПОДВИГА ПАРИЖСКИХ КОММУНАРОВ

СОВРЕМЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО:
МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ-МЕТАЛЛУРГИ
РЕШАЮТ «РЕЛЬСОВУЮ ПРОБЛЕМУ»

«СИЛУЭТЫ».
НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашвили, Г. П. Елисеев, К. Н. Замошник, А. П. Куров, А. А. Лиханов [литературный секретарь], В. Л. Лукин [заместитель главного редактора], Р. И. Ромдестинский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], В. Е. Томашевич.

Художник Г. С. Терзибашянц Технический редактор Н. И. Будкина

Смена

ШАШКА БУДЕННОГО

30 мая 1970 года московским телевизорам в нашей стране и по радио было сделано заявление волнистого эпизода: в Кремлевском Дворце съездов состоялся праздничный концерт, посвященный 50-летию пролетарской пропаганды, проходивший в честь тридцатилетия Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза С. М. Буденного торжественно вручившей свою боевую папку представителям комсомольской молодежи. «С этой папкой и защитой, нашими героями, мы будем жить и воевать», — сказала она. — От двух якобы молодежи большинства успехов в дальнейшем развитии нашей революции, в умении подняться над Родиной. Храните боевые традиции и несите их вперед и вперед!»

В прошлом году в «Смене» № 1 была опубликована беседа корреспондента журнала с выдающимся советским полководцем. Она вызвала множество читательских откликов, содержащих вопросы к Семену Михайловичу, пожелания подробно рассказать о легендарной шашке, подаренной комсомолу, и о других наградах маршала.

Фото Виктора САККА

Нелегко годами нести щупальца
из огней больших городов, у изломов
холодных скал или среди
бездремных степей; нелегко по не-
скольку суток, а то и неделю не вы-
двигать небо и звезды. Но чувство дол-
га, высокая ответственность помогают
молодежи переносить все тя-
жоти и испытания армейской и флот-
ской службы. Ведь они — будущие —
ребуют от человека куда больше му-
жества, чем кратковременный порыв
исключительных условиях. Черты па-
мяти «последовавшего» героям про-
являются сегодня в напряженном
руде воинов, поддерживающих по-

тойней боевой готовность? А что значит сегодня быть в постоянной боевой готовности? Как известно, в эпоху научно-технической революции предъявляются совершенно новые требования: в тех же временных единицах должны делать быстрее, надежнее, лучше. Действия ракетчиков, авиаторов, подводников, воинов других видов и родов войск протекают в условиях, где шаг, даже правильный, не несвершаем, а неправильный, разносится тяжелой ошибкой. Итак, помимо, но не наименее важного, умения цепко схватывать и удерживать, на заре за время служат патротизм, почти армейского и флотского комсомола: «Поражая цель с первым выстрелом», «Подготовить

Прошедший год занял особое место в истории комсомольских организаций армии и флота. Он был наполнен такими важнейшими собы-

ния В. И. Ленина, XVI съезд ВЛКСМ – 25-летие Победы нашего народа над фашистской Германией, 50-летие выступления В. И. Ленина на III съезде комсомола. Сейчас уже можно назвать и конкретные результаты большого политического и творческого подъема, охватившего всех комсомольцев, весь личный состав армии и флота: увеличилось количество отличных частей и кораблей, каждый второй комсомолец стал отличником.

ком боевой и политической подготовки, почти 80 процентов воинов-комсомольцев завоевали спортивные разряды.

На крупнейших маневрах «Двина» и «Окна», на учениях «Брест-Литовск» и «Суворов», в соревнованиях по стрельбе из оружия — советские воины и спортсмены показали, что они отлично владеют самой современной тактикой, стратегиями в наступлении, стойкой в обороне, выносливостью в походе.

А ныне дела и мысли комсомольцев армии и флота отданы подготовке к достойной встрече XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза. В авангарде соревнований стоит воины гардкордного танкового полка Красногвардейского района Кировоградской области, под командованием старшего лейтенанта Г. И. Котякова. Комсомольцы, все из народа, воины, стоят — приказанные

молодые воины части показывают образцы трудолюбия и настойчивости. Уже сейчас 60 процентов молодых воинов являются отличниками боевой и политической подготовки, 80 процентов комсомольцев работают на уровне специалистов 1-го разряда.

экипажей и отделений, которыми командали комсомольцы, стали отличительными, абсолютное большинство военных успешно занимается спортом.

Хороших результатов добились также Путиловско-Кировский полк ПВО, подводная лодка «Ленинградский комсомол», вертолетный полк имени В. И. Ленина и многие другие части и подразделения Вооруженных Сил.

Ленинградский зачет в честь XIV Съезда партии, в котором активно участвуют все армейские и флотские ком-

сомзомы» способствует более быстрому, лучшему усвоению программ боевой и политической подготовки. Всего в лагере прошло 12 занятий. Команда ВЛКСМ Юрия Сорокина, капитана тата, посоветовавшись с командиром, прежде всего решила усилить работу по повышению теоретической и технической подготовки молодых воинов. С помощью коммунистов они создали в подразделениях технических мастеров, где ведущими были старшины станицы — сомзомы-офицеры Кравченко и Носов. Многие вечера провели они с солдатами, помогая им досконально разобраться в наиболее сложных электрических схемах и устройствах. Сережката, Владимир Уваров, Николай Олановенко, ефрейтор т/р Зура Орбис и другие комсомольцы организовали для солдат литературу по основам ядерной физики, электроники, радиотехники, математики. Настоящий спортивный азарт вызвали технические «бои» и викторины, предолевавшие лучших специалистов. Вечерами некоторые

церов трудились рационализаторы, напоминали настенные конструкторские бюро. Всёмы коллективно обсуждали поступающие предложения, сооружали стенды, чертили схемы... Результаты не замедлили сказатьсь — выросло число отличников, классные ми специалисты в расчетах стали все воньи, каждый комсомолец овладел смеккой специальностью, а часть за создание образцовой учебно-материальной базы награждена переходящим юбилеем.

— Для нашей армии никогда не было в диковину солдат с караидашом в руках, склонявшимся над ленинской строкой. А нынче это и вовсе стало нормой. Слабохарактерные, склонные к страху и сомнению, ворчливые, даже ксенофобы, как комсомолец Анатолий Сторожук идет в чистяльно и штудирует очередную страницу из ленинского тома. Сторожук не студент-заносчивый, не слушатель вечерней партийной школы. Он читает и конспектирует Ленина для души, для удовлетворения любопытства, для обогащения жизненного опыта, для размышлений о будущем. Ленинская мысль оживает для него всю панораму коммунистического строительства в стране и его собственные будничные дела и забобы, помогает подняться до понимания великой значимости дела, которому он служит.

Анатолий Сторожук. Тысячи комсомольцев и молодых воинов в ходе Ленинского зачета потянулись к знаниям, к ленинским идеям, к прозведениям основоположников марксизма-ленинизма. Военная служба требует от человека не только высо-

**Специальный корреспондент «Смены»,
капитан второго ранга
Александр ЗОЛОТОТРУБОВ
на приеме у
Семена Михайловича БУДЕННОГО**

этой шашкой я прошел не одну войну,— сказал Семен Михайлович.— Поверх, будто часть своего сердца вместе с ней отдал. Но раз она вырвалась...

И морозом вспоминал он эпизод. В январе 1919 года наступала в Красногорье одна чужая болезнь. Губокой почвой он поддал по тропам свою дивизию к форсированному маршу вдвинул ее на ходу Вертигий. Нужно было отразить белогвардейцев, занявших Котубахи, от их тылов. Кроме того, предстояло освободить из плена целую бригаду 39-й стрелковой дивизии, а также внесшую с теми атаковать группу генерала Попова.

Конники лихо ударили по рогам. Задний выпускник военных училищ, солдаты, офицеры, были убиты, но тут со мной произошла такая история...

В самый разгар боев Буденный видел, как скакет командир полка Рыбачев за белогвардейцем, хочет зарубить его, да так увлекся, что не заметил, как сзади его нагоняют и кинут в пот вет удара в спину. Рванулся Буденный, Рыбачеву на помощь и бухнулся над его головой отбился зарубой одному из конников белогвардейцев. И тут же, совсем не заметил, что смерть на спине сидит...

— В том бою,— говорит Семен Михайлович,— ударила я по казакам шашкой так, что у одной из них кинжал наполовину разломился, а на моей шашке лишь малая полоска осталась. Видюшка.

Справившись маршиала, откуда у него эта шашка.

— Я привез ее с собой домой в 1917 году. Когда соединялись красные и белые, мы с мальчиками играли в солдатки. Я взял у себя шашку, палку, мушкет, и все это в шесток. Но на Украине бесчестивались гайдамаки. У всех фронточников они отбирали оружие. Но мне удалось пройти их посты, а в Нежине сел на поезд, вылез сабда за охрану эшелона. Так и добралась до дому.

— Это до Октябрьской революции, а после?

— В 1917 году—продолжал Семен Михайлович,— с этой шашкой я пошел защищать революцию.

любия, готовности к перенесению любых трудностей, но и умения мыслить широко, перспективно, предвидеть развитие событий, взять на себя ответственность за смелое самостоятельное решение. Это по личу тольк людям с высокой идеальной уверенностью и принципиальностью, с марксистско-ленинским мировоззрением.

Все дела, поступки нашей армейской молодежи говорят о ее идеальной зрелости. Вони, относящиеся к высшей степени ответственности к своему долгу, лицо самим верным маршрутом к подвигу.

Ефремов, Троцкий и Куйбышев. Троцкий и Куйбышев Литву спасли в одном подавлении. Их фотографии находились рядом на Доске отличников. Лучшие специалисты, спортсмены, в вообще-то самые обычные воинские-отличники, каких много в каждой части. Раскрылись они по-настоящему в обстановке приближения к боевой.

На обеих фотографиях — и Ефремова и Куйбышева — Александра, никакого не оказывалось. А много раз они кидались в огнь, спасая нищету, документы. Загорелась одеда, окончили покрыты лица и руки, но Владимир и Александр продолжали бороться. Выскочив из пламени в последний раз, Троцкий не удалился рядом друга. Натянув противогаз, он снова разогнал в пекло.

Когда принимались помарочные машины, товарищи нашли героя у самого выхода. Александр Троцкий крепко прижал к груди Владимира

цио. Воевал с ней против Деникина, Мамонтова, Шкуро, Гнильорбова, Павлова, Брангеля. Былало, враги не давали нам покоя, и даже спал, не снимая шапки. Что для меня было революция? Кончал патроны, и хоть выбрасывал врага. А у шашки всегда кликун острый. Я оченя берег ее. Одажды Михаил Ильинович Калинин просил у меня эту шашку.

— Как это было, Семен Михайлович?

— Приехал Калинин на наш конный корпус 4 ноября 1919 года вместе с председателем ЦИК Украины Григорием Ивановичем Петровским.

Разговарив бойцов «взаима в плене»: было одеяло в демонстрационную группу, присутствовало и лично боярь. Топтанев кивком кудрами головы—должока боц. Ведя, говорит, к Буденному. Сиди называет себя председателем России, а другой—председателем Украины. Всю дорогу нас агитировали.

Это была первая встреча Буденного с Калинином. Михаил Иванович беседовал с бойцами, рассказывая им о положении в республике, присутствовал на боевом учении. Вечером оба гости собирались в гостинице «Люкс». Калинин не то спирено, не то в шутку сказал:

— А оружие-то у нас нет... И, увидев у Буденного шашку, спросил:— Может, ее дадите?

— Я сказал Михаилу Ивановичу, что шашка его не выручит, если наладят белые. «Ведь вы раньше не владели ею. Я лучше вам разъезд для открытия». Калинин подержал шашку в руках, потом вернул мне. «Хорошо. Но я действительно действую на конях».

А спустя почти год, когда Кованин вел осажденные бои на Полтавском фронте—продолжал Буденный—я эту шашку хотел подарить своему храброму человеку, наставляемому герою, да не успел...

Этим героем был Семен Михайлович Петровский, в ту пору командир 2-й бригады 11-й кавдивизии. Буденным высоко ценил свою темзу, это бригада стала самой боевой среди дивизий.

В одиночку из боев Петровский особо отличился—продолжал Буденный.— Захотелось отметить его, и я предложил ему свою шашку. Он ред был моим поддаку. «После боев, товарищ командир, разрешите принять награду...»

Чересколько дней Петровский погиб.

— Дарили ли вы еще кому-нибудь свое боевое оружие?

— Да, председателю Компартии США Уильяму Фостеру. Владимир Ильич Ленин пригласил меня

на заседание конгресса Коминтерна. Перед началом работы группы делегатов, в числе их и я, окружили ящик. Тут бы и Фостер. Ленин сказал: «Это товарищ Буденный, наш кавалерийский капитан, полковник». Слово «капитан» и «кавалерийский» Фостер знали, на шашку спросил: «Что это у вас за оружие?» Я ответил, что капитаны всего мира шли на нас вороты, пытались заудить Советскую власть. Вот и были всех шашками рубина. Это — наше оружие для защиты республики. «А вам не будет жалко, если я попрошу поддарить ее мне?» — спросил Фостер. «Нет, не жалко», — отвечало, — только вам надо научиться владеть этим оружием».

А дальше было интересное. Наши разговоры, вопросы, казалось, как-то сами решались. Я вынул шашку из ножен. Фостер воскликнул: «О, это опасная штука! Вы прыгните, товарищ Буденный, надо уметь обращаться с ней». Тут же я отдал Фостер шашку. Он сказал: «Спасибо, я буду хранить ее как символ революции в России».

Много лет спустя, — продолжал Семен Михайлович, — Уильям Фостер, живший в СССР и後來在美國的伯恩斯。他和我一起在莫斯科待了很长时间。我问他说：「你为什么一直待在这里？」他回答说：「因为我的妻子一直在苏联，她无法离开。」

Так например, заличную храбрость и мужество у одного из боев Владимира Петровского наградил С. М. Буденным боевым оружием — серебряной саблей.

Брангель, — сказал Буденный, — потерпел же стоковое поражение. Позже в своих мемуарах он писал, что ему удалось на 126 судах вывезти из Крыма 145 693 человека, не считая судовых команд. Брангель изрядно припрыгнул: ведь с ним бежал не солдат, а гордые члены интеллигентской и технической пролетарской рабочей элиты Петроградских классов. На добое боевых частей осталась немногая. По нашим данным, Брангель удалось вывезти вместе с беженцами всего 83 тысячи человек. Подавляющее большинство петроградских солдат или погибли в бессмыслицем боев, когда Врангель отверг ультиматум советского командования, или попали в плен. После окончания боев в Севастополе меня и Клиmenta Ефремовича Ворошилова наградили теми же самыми революционными оружиями.

Позже, в 1921 году, Всероссийский Центральный исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов

Литву. Видно, не захотило у него счаще на несколько шагов, чтобы спассти товарища и выйти из огня самому.

На следующий день коммунисты вместе обсуждали заявление комсомольца Литву из просьбой принять его в ряды КПСС. Компьютеры вспомнили о нем в списке членов КПСС. Николай Обусов, который сидел в ячейке, сказав, что не имеет связи жизни, и умер коммунистом.

Заканчивалась служба в армии комсомольца Николая Кузнецова. Сколько поощрений заслужил ефрейтор, сколько услышал теплых слов от товарищей по комсомольскому соединению, проходившему в последней день службы Николай Обусов. Сидел в ячейке, сидел под путями в Сибири, на удрученной комсомольской стражи. «Достони путевки!» — решались одновременно.

Но не строительство Западно-Сибирского металлургического завода Николай Кузнецов так и не приехал. Проходя в последний раз по городу, с которым породился, за время службы в комсомоле, он сидел в ячейке. Бросился в озеру. Не самой середине, в полымя. Барахталась два мальчика. Не заладились, Николай прыгнул в ледяную воду. Через не сколько минут он вытолкнул одного из них на лед, но силы были уже на

исходе, тело коченело, все труднее становилось дышать. Намокшая одежда, полные воды сапоги тянули вниз. А в воде барактала еще один паренек. И теряющий силы воин спешно наступил на него. Поднявшись под мышки, он последним усилием увлек его из воды.

Ефрейтор Николай Кузнецев погиб, спас человеческие жизни. Помимо герой удостоен правительственный награды. Его имя занесено в Книгу почета ЦК ВЛКСМ.

Приведенные мною случаи являются в некотором смысле типичными, — говорит Ефремов, — ведь во время войны они с самими общименными людьми и, значит, позволяют судить о лице сегодняшнего солдата.

Армий синяя, можно сказать тем «кининерстом» жизни, через который проходит вся юноши нашей страны. Здесь у молодых людей наибольее интенсивно формируются чувства гражданской ответственности, чувство верности, привязанности, целеустремленности, мужества, ответственности, самостоятельности. Словом, способствует развитию молодого человека как личности. На эту воспитательную роль нашей армии обращает внимание советский педагог А. С. Макаренко. «Подчиненность», — говорит он, — это не то, что есть в армии, это то, что есть в армии красной. Работа красной армии: вы пропагандируете знания, что для дела вам военная служба — высокое общество, и вы должны быть в нем полезны, служить обществу. Для этого красная армия — главный, решающий для всей последующей жизни молодого человека вопрос: какими быть?

Мне вспомнились эти слова недавно, когда я узнал от отца своего о смерти сына Ефрема Воронова. Его сын счел бескорыстной за своего сына, ушедшего в армию: не очень он был сын собраний, славеный, необычайный. Прощел год службы, сумел стать получать от сына интересные письма. Вот один из них:

«Я начинаю убеждаться в мысли, что каждый человек должен побывать в армии, чтобы увидеть, что такое пропаганда. Я тебе совсем не такой, каким был год назад. Могу поразить любую машину с первого показа; сделать на брусьях стойку и выжать 60 килограммов. Здесь у всех отличное здоровье. Словом, моему аттестату зреости счена не хватало этого года. Я очень благодарен армии, моим коллегам, товарищам».

«Молодые проходили в армии чрезвычайный, важный этап в своем развитии, пребывая в закрытой многонациональной среде, уставляемой из армии, отвечающей на вопрос: какими быть?»

Быть воином, гражданином, патриотом. Быть беззаботным борцом за идеалии коммунизма — вот заповедь армейских и флотских комсомольцев, верных защитников Родины.

награда «командующего 1-й Копной армии товарища Буденного Семена Михайловича, руководившего действиями 1-й Копной армии, оказавшей неоднократную решительную поддержку другим частям Красной Армии на Юго-Западном, Западном и Южном фронтах, высшей воинской наградой, установленной в настущее время, — почётным оружием с орденом «Красного Знамени».

— Жизнь памяти не только награды,— после небольшой паузы, сказала Буденный.— Орден, медаль, шашка — это всего лишь вещи в жизни. Мы шли в бой за революцию, и никто из нас не думал о славе или нарядах... Мы присягали партии, Ильин. А присяга это обещание в душе. На XVI съезде комсомола я воскликнула нашей земляческой молодёжи. И подумал тогда: «шашка моя попала в надежные руки. Верю, что подните дедов и отцов они преумножат».

Потом разговор у нас заходил еще об одной уникальной шашке. В опубликованной в 1967 году статье А. И. Микояна «В Чечне» описывалась поездка А. И. Микояна, К. Е. Воронцова, С. М. Буденного и К. Левандовского в январе 1923 года в Чечню (она входила тогда в состав Горской Республики) для участия в совещании по вопросам народного хозяйства. В Урге-Магане состоялся митинг, на котором выступил К. Е. Воронцов и А. И. Микоян. Затем взял слово С. М. Буденный. С белым поддевом он рассказал о подвигах Красной Армии в гражданской войне, о победах, одержанных над Деникиным, Колчаком, Брандтсом.

«Чечненцы явно импонировали вид Буденного», — пишет в своих воспоминаниях А. И. Микоян.— Они с интересом слушали его выступление, внимательно слушали. Было замечено, как то засмеялся, там чечненцы с восторгом произнесли на своем языке: «Большой генерал!» — Буденный оделся в полную воинскую форму. На боку висела шашка эмблема бухарского, сверкающая серебром и разноцветными камнями. Широкая красная лента, перекинутая через плечо, ярко блестела в глазах. В общем Семен Михайлович своей подвигнутостью и некоторой торжественностью производил эффективное впечатление, но говоря уже об осине и нарядности буденного буденовки».

Однако вспомнил «Советская пресса» в разделе письмо с просьбой рассказать о шашке эмблема бухарского. Этот вопрос я и адресую Семену Михайловичу.

— Точно написал Анастас Иванович. Было такое. Я обычно никогда не расставалась со своей боевой шашкой, а тут Анастас Иванович посоветовал мне надеть шашку эмблемы. «Пускай все видят, что Советская власть поклоняется и с эмблемой бухарским!» — поддержал его Воронцов. Ну, я и надела эту самую шашку.

Наверно, смысла... — продолжала марица. — что эмблема бухарская Саид Алханов был единственным представителем Бухарии в Академии наук и заслуживала трудовой народ, из года в год, увеличивала налоги и поборы. Когда вспыхнуло восстание, части Красной Армии пришли на помощь революционным массам. Операции на Бухарском фронте руководили Михаил Васильевич Фрунзе. 2 сентября 1920 года штурмом было взято дворец Регистан — твердыня бухарского эмблемы. Свергнутый Алим-хан бежал в Афганистан.

Теперь о том, как попала ко мне эта шашка. После разгрома Врангеля группа командиров, в которую входил и я, вернулась в Севастополь. Фрунзе, А. И. Чекистовались в башмаке дважды эмблемы. Там нас рассказали об этой шашке. «Где она?» — спросил Фрунзе. — «Давайте ее сюда». Шашку привнесли. Михаил Васильевич долго рассматривал ее, а потом, глядя на Воронцова, сказал: «Кому бы ее подарили, а?» Подошел ко мне и говорит: «Вам дарим, Семен Михайлович. Пусть она войдет в вашу коллекцию».

Род, уж речь о Врангеле... — продолжала марица. — Я вспомнила еще один эпизод. У Врангеля была любимая кобзарь Циманар. На этом белом керебре «старый барон» собирался въехать в Москву. Но он так спешно бежал из Севастополя, что оставил свою конюшню. Во время гражданской войны известный на всю Россию Стрелецкий конный завод был разграблен белогвардейцами, и один из его знаменитых жеребцов по кличке Циманар оказался у Врангеля. Ревком Севастополя подарил коня местному Народу на трудности воинского времени, удачно переворачивать жеребца на кони завод. Циманар стал родоначальником новой породы терских лошадей.

Хочу похвалить читателям «Смены», всей нашей замечательной комсомолии, — сказала в заключение нашей беседы Буденный, — помнить о революционных, боевых и трудовых традициях нашего народа. И не только помнить — на деле преумножать их.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Если глядеть из Москвы, то географически Якутия — край неблизкий и потому отдаленный от караванных литературных путей и книжных ярмарок России.

На деле же это совсем не так. Литературная Якутия в своих лучших образцах давно и прочно заняла пристальное внимание ежесезонного читателя, и большинство из них содержит интереснейший поэтический материал.

Книги и журнальные публикации не только передали в нашу инновоземскую литературу и ранее известные имена якутских драматургов, но и щедро представили нам новых слытых поэтов, едва ли не впервые залучавших по-русски.

Общий качественный оттенок якутской поэзии последних лет является ее жизнью тяга ко естественноческим темам и проблемам при максимальном сохранении национальных форм поэтического мышления. Сегодня также обходных узлы понятий счастливое взаимное обращение к жизни и литературному опыту других народов, прежде всего русского. Традиционный стих обновился чрезвычайно. Бытовые и патетические устремления жестко зеркально отражены в якутской поэзии, все архе, все кризисы стала проявляться личность самого поэта.

Объяснение, пожалуй, нужнее искать в том, что современная якутская действительность с ее глобальной культурой взаимоотношений, быта и труда, с циклическими ритмами жизни неизменно разнообразила духовные заботы северного человека, гражданина доброй, необыкновенной нашей державы.

Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ

Монсей ЕФИМОВ

Кионюк УРАСТИРОВ

Чорон

Когда друзей в дома примираю, среди застылок слова попрошо — и родовые кубки наполовину и всех гостей кумысом обиши.

Вы пресмотрите, как светло и ровно, похож на зарыбленный разговор, во стекланом деревянном корона бенит и не кончиается узор. В нем онимают старина сядар, умельцев давних темных судьбы. Вот мчатся кипы, время обгоняя. Вот вспыхнет нетленно гордьба.

А пот берет первородные вершини, и пышный свет, и деревенне штрихи. А там, уже позже, что машини скопорись, похоже, что стихи. И Лена непременно бороздою лежит среди измеренных лесов, и над ее стремительной водой застыли пинок скользны гольцов.

Блглядитесь и прислушайтесь — и звуки и отзвуки давленых ден и дын коснется слуха, обласкают руки непрерходящей веществой своей. Прислушайтесь, — и прекрасный мир, заключенный в текинский ряд значков, пред вами распахнется, чтобы властно поставить с собою в блуду виков.

Оттуда донесет олонкосута неторопливый и живой рассказ. И душница споет — и это чудо перенесет из вока в вен и нас. Иной тудонник ни ином чороне кий, наверно, вырежет узор: сполохи на полярном небосклоне и спутники среди них, как метеор, и крестики антенн, и кранов стрельы, Вильямской ГЭС бесконечные огни. В орнамент вложены руки умелой, о наших днях поведают они. И кто благовонно прочитает тех символов скучные письмена, он, как и мы, о предках все узнает, к себе приблизят наши времена...

Так пусть в венах бенит светло и ровно, как Лена среди своих бессмертных гор, по стекланам деревянного корона якутский незадейный узор!

Утренняя песня

Рано-рано в комнате дощадой я проснулся и подойду к окну и зара божественно крылатой сонными ладони противу.

И увижу солнечные всплески, и проникнут солнечи травы, и замечу стадо в перелеске, и услышу музыку птицы.

Музика музыкающего утра сордес переполен мне с утра и толкнет взыкатели и мудро на дороги песни и добра.

И под жарким северным сияньем солнца, восходящего в зорин, писенка, родившись утром ранним, жаворонком к поддуну зазвенит.

А когда мне голоса не хватят, я отправлю песенку в народ: непременно кто-нибудь подхватит, непременно кто-то долоет.

Жизнь

«Прекрасна ты, о тяжне снегов, ибо несешь счастья — и высоки слов: они от повторения не потерян сны и мечты. И в старости я юным остаюсь!»

Прекрасны ты, о тяжне снегов, когда промдра жажде обновишься! О пистолет, лесная огневица, прекрасен ты в преддверье эмзин снегов!

И донька, упавшая с неба на поля, и ветер, пронесшийся над поляной, и запах маты, исторый и пряный, прекрасна чудеса твои, земли!

Прекрасна слава, горе и успех, что испытывать приходит человека и прочности и на истинности. От века прекрасен женский взгляд и детский смех.

Всегда к добру, как ветка в вышину, всегда к итогу, как река в долину, стремится жизнь. Я тоже не премню уйти. Но белый свет не теряя с миром связи!

Но, слово сентиментальных не боясь, синеву и на одре, что жизнь прекрасна, и смерть прекрасна, если не напрасно ты проник, не теряя с миром связи!

❶ Родине

Доброты высокое начало
в каждом сердце громче зазвучало.
Широко раздвинулись границы,
где мне жить свободным и трудиться.
И нельзя исчислить наль измерить
то, чему привык я с детства верить:
никому не отдать народы
кровью завоеванной свободы.

Родины высокое начало
в каждом сердце громче зазвучало.

Целью возвеличены одною,
племена зовут себя страною.

Сколько нас, нерусских, у России!
Сколько звезд в ночной небесной
сии!

Любовь и судьба

О, если бы знать мне, о, если бы знать,
зачем это плачут дожди надо мной!
О, если б хоть раз довелось увидеть,
за кем это горнится ветер лесной!
Прости меня, мать! твой единственным сын
уходит далёко на родину, завороженный сиянием вершин,
преодолевая подъемы в отческом поле.

О, если бы все же разразить, о ком
тоскуют берега под синей горой!
О, если бы расслышать, зачем это гром
посторона и ссорится с тучей сырой!
Прости же, родная моя страна,
за то, что до крика, до дрожи, до боли
люблю тебя верной любовью зерна,
еще не проросшего в отческом поле.

О, если бы только умел понимать
распесы волны на родимой реке!
О, если б хоть раз довелось углядеть,
что синится, что грезится лилей тайге!
Ведите же дальше, любовь и судьба!
Меня не страшат неудачи, невзгоды,
была б под ногами потверже трава,
цвела б моя Родина долгие годы.

Благодарность

и за добро не требовать награды.
Благодарю тебя, Якутия моя,
за то, что ты далеко видны:
неподвижные, горные моря
у древних берегов своих предкиниши.
За то, что ты поставишь города,
просторные, с домами крепко
стали,
в местах таких, где люди никогда
о теплой крыши даже не мечтали.

Где жили поколения певцов,
и воинов, и пахарей
счастливых —
в земле моих измученных
отцов,
в земле детей моих вольнонародных.

Благодарю тебя, Якутия моя,
за то, что в жизни все давалось с боем,
что, постигнув сущности бытия,
в конце концов я стал самим собою.
Что, сын твой медноискусный,
снега и льды, болезни и соблазны,
для песен о тебе я свою нашел
и вот пою о том, что ты прекрасна!

Благодарю тебя, Якутия моя,
что родила меня, не опоздава
во времени и, ласки не тая,
со мною поделилась всем,
что знала.
Ты мне, мальчишке, подвела коня
и научила не бояться бега,
потом тайкой проверила меня,
жарой пожаров и бесплодных снега.

Благодарю тебя, Якутия моя,
за все мое открытия и обиды,
за радость видеть отчие края,
за честь писать стихи о том,
что видел.
Ты провела меня по всем
кругам прекраснейшего жизненного
ада,
уча любить друзей,
не доверять врагам

Солдаты

Уходит молодость в солдаты,
ступает за родной порог,
так беззмятно 'н крылато
надев на плечи вещемешок.

Суровость всякая на лицах.
Протяжной вздох.
Короткий смех.
И размозжённые сребристы
лихих ушашин штатской меж.

Вот выстроены по рабочику,
Вот прогремело: «Нагаты архи!»
Повала спугнути надежда мира,
наши молодняки, подлесок наш.

А мы, стареющие корин
не отрымы от земли,
еще пристрастней и упорней
живем, где почки и росли.

И всled поощему отряду,
что за солдатской судьбой
ушел, маxим руной —
и ради гордиться ими, как собой.

А тех мальчишек узколлечих,
что побеждали на войне,
или в ровесниках я встречу,
или разглядите вы во мне.

Осень

Какая тишина! И почему тако!
Еще стоит вся в золоте листвы
родная роща: ждет, когда подует
полярный ветер, вестник листопада.
Земля грустит во власти тишины,
последнее тепло свое даря
ми, босоногому. Цекают птицы
одинокими голосами ветра.
И западной осени зора
обманывает обещает потепление.
Но почему так радостно и грустно!
Зачем и я устая от тишины,
и света, и тепла? Зачем мороз
так жду в предзимнем теплу
не верю...
А могучая земля

левит перед мной все четыре
прекрасные стороны и показывает
еще меня блонит и медлен
скажет, что точно так проходит
действо.

Прошло. А юность где-то
задержалась.
И радостно и грустно оттого.

Лебеди

В озере два лебедя белеют,
целый день белеют на воде
и от горя закричать не смелют:
молчаливы лебеди в беде.

К облакам вытаптывают шеи,
на траву выпадут и дракон,
и трава становится ряжее
оттого, что в ней они лежат.

Наступает зной времена года.
Птицы край покинули давно.
Лебедей не радует свобода,
снытое не веселило пищено.

Им взлететь бы над осенний
туманом, грудью облака пробить,
зашмыгать прерывисто и трудно,
над землей прощально прорубить.

И помчаться вдаль от океана
по дороге памяти своей —
к теплым водам, в солнечные страны,
где белым-белы от лебедей.

Но печальны, цветены их усилия
оторваться от холодных склонов.
Кто! Зачем подрезая птицы крылья?
Для чего к земле им привязан!

Пуст всегда летает, что летает!
Пуст поплзет, чему позлы дано!
Пуст неволи никогда не знает
то, что для свободы рождано!

Пуст, который где-то кто-то начал,
пуст не рвется по вине людей!

Это говорю вам я, кто плачет
возле тех бескрылых лебедей.

Метельная ночь

Над Сизо, над родной моей рекой,
снега неслись, как бешенные кони.
Сгибались ели. Мрак стоял такой,
что увидеть собственной ладони.

Случилось несчастье — некому помочь.
Волков почтят, спрятались собаки.
Мне довелось родиться в эту ночь!
В морозной юрте. В нищете.

Во мраке.

С той, видно, незапамятной поры
во мне укоренялась мысль о сне —
в краях родных возникнуть мосты,
чтоб мрак метельный послабил от света.

Чтоб мой потомок, свет монет,
родился бы в тепле и для
счастливой жизни,
чтоб безнадежных, страшных тех
ночей не знать моей сегодняшней отчизне.

Пожилой человек

Лишь понимавши немало, тузнеешь
ценою жизни, прекрасной всегда,
цену знаний, любви и свободы.

Удивленной душой постигаешь
тих горькую сладость труда,
эту власть над тобою природы.

И теперь я коварное знаю,
что на свете небез любви
и что счастье без горя не счастье.

Что, живя для себя, умираю,
что силен, если рядом с людьми,
что мудра наядица в неистости.

Лишь теперь, пожилой человек,
зная тайны и света и тени,
я о жизни могу говорить.

Потому что свой прожитый век,
век печали, утрат и сомнений,
без опаски смотрю повторить!

ДАЛЕКО

Медленно прошли по лукоморью. Море тихо катило волны, покачивая на хребтах белые громады льдин: все ближе подступали к земле приливы, и вместе со льдами подошли к острову нерпы. Они кормились на чистой воде,нырнули, уходили, глубы и снова появлялись над чистой водой с трепещущей в устах пастех рыбой.

Многозрьев со Славковой поднялись в тайгу широкой просекой, по которой вспомнился голос дрова. Семен, склонившись, Дальний вспоминал, как заморозка разливала влагу в Краси, лабаз, баня и спавший, стоявший в заборе стоком прошлогоднего сена. Чуть подальше белели палатки геологической партии, рубленый дом старой американской фабрики, который тоже занимала партия, два подплатанных сараев (скажите доски особенно ясно были видны отсюда) и еще дальше — дома недавно оборудованной на острове метеостанции. Насколько хватали глаз, вокруг разливалось светло-зеленое море тайги с отчаянно белыми замызгами цветущей черемухи. Ее крупные, словно бы виноградными грозы, побеги повисли над самыми лицами. Сладкий запах мешался с дурманящим запахом цветущего баумгольника, и Многозрьев порохом покрасил лицо, чтобы забыть об этом. Гусь-погоня, сидя на дереве, обнимет Славку, и начнет быстро когти когти морозить о себе, а Славка, об Иринке — обо всем, чем жил он и живет, и о том, что вожак никакой он не Николаем, которого молодые ребята в партии, как и этот парнишка, порох называют «батя», а також же, как они, наивный и ничего-то не знающий ни о людях, ни о себе...

Славка ловко вскарабкался на черные крутыни ветви черемухи, сел там на верху среди белых кипин, согнувшись легко, ветви душило.

— Люблю черемуху ломать. Бывало, сяду на велосипед, умехну за деревню к пятому овражку, наломаю цветов и вернусь с ними в деревню. У нас с бабушкой жила с маю по осень очень интересная женщина. Ни кривиць чешму разберу и ей букет дарю, она очень любила черемуху, а я люблю машинным подавать делать приятно...

А Многозрьев сидел в сене на дереве в Зеленом, когда принесли на базу экспедиции, он встретил Славку. Парень уже две недели жил на базе, как-то день, сюжет отправки на остров в партию. Приходили вертолеты, аз-грушки, забирали рабочих, но почему-то Славке все время не хватало места в машине, и его оставляли на базе. Вот и тогда они загрузили вертолет, и веселый, улыбающийся Славка сидел среди ящиков, банок, железных походных печек и маках всем сереньким кепочкой, как вдруг пришел командир вертолета и сказал, что на борту лишний человек. И лишним, конечно, оказался Славка, и его в который уже раз сняли с рейса. Он стоял на площадке уже не улыбающийся и не радостный, а очень растерянный, с какой-то детской обидой лицо. Тишиной таинственным одино и то же слово: «Обидно». А потом они шли с Многозрьевым по дороге к базе, и Славка, вздохнув, достал из кармана трапезу, развернул ее.

— Вот хотят Галочки-радисты подарочек привезти. У нее завтра день рождения. Не вышло, обидно.

Но ладони у парня лежала крохотная плиточка детского шоколада «Белочки»...

Славка слез с дерева, отряхнул букет. Крупные цветы держались крепко.

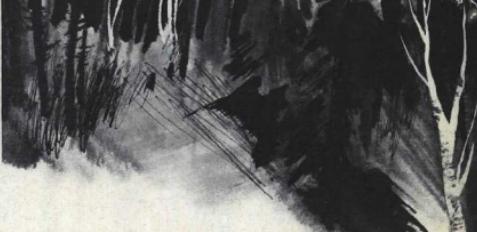
— Кому бы принести, у своих у всех есть. Ага, отнесу на метеостанцию, Канычников. Ольгите-то нет времени в тайгу ходить, двойники на руках, а Валентин Валентинович поди, и не догадался, что приятно в доме букет поставить...

Но Славка Синий уже привыккомился со всеми жителями. Кому-то он

попытается пинить дрова, потому-то — копать огород, к кому-то просто заходил на чай или на «подходящего дурака».

— Николай, хочешь я тебе синистков наделают? — вдруг спросил он, снова присаживаясь на колодину. — Знатные синистки умею делать.

— А зачем-то синистки?

ДАЛЕКО ЗА МОРЕМ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «БЕЗ ОТВЕТА»

— Как зечем? Отошлешь дочке, пусть свистит. Такой чегрушки в Москве ни за какие деньги не купишь.

— Она еще совсем маленькая, Слава. Не сможет свистеть.

— Подрастет, научится.

— Ну, тогда дешай.

Славка решил сделать досить свистков — от крохотного, с иголочки, до аршинного. Сделал один — посыпал, и тут же ему отклинулась птица. Это звянило парня, и он привык к перекликаться с птахами. Сделает свисток, посыпал, и птица откликнется.

Многогород вспоминался дом, Нинка, крохотная Иришка, пускающие пузыри с розовыми побуками, и ему вдруг захотелось сбежать вниз, принять и старшими геологи Василию Перегудову и сказать, что синь, Многогород, не в силах вылететь тут, что син подвел Перегудова, что тому, пожалуй, еще не поздно взять к себе в отряд другого техника, а Многогород должен, обязательно должен улететь в Москву к жене, к дочке, к тому, что осталось там, далеко-далеко за морем.

— Не грусти, батя, — вдруг говорил Славка, положив на плечо Многогороду руку, — все будет хорошо.

— Смешной ты, Славка, я и не грущу, а думаю, и тебе не понять этого, ты маленький еще, совсем малышайка — так хотелось сказать Алексею, но он не сказал этого, а только хлопнул Славку по плечу.

— Пойдем, может быть, сегодня наконец придет наш начальник и двинем мы, Слава, по тайге.

— Скорей бы!

Начальник геологической партии Сергей Федорович Грехов вот уже десять сутки не мог вылететь с базы экспедиции на остров. Ему ждали со дня на день. Ждал каждый геолог и рабочий. Пора уходить в поле, а остров завалило непролазными тучами. Славка сделал досить свистков, выпустил плен. Слизькая и все вместе тональным талинковым пруттиком, сквозь-

— Придет вертолет, посыплю пошище, Николай.

К поиску пошли тайгою. Лиственцы над головою сомнились зеленым прозрачным куполом. И все вокруг стояли зеленым, трогательным, нежным. Тайгу че и распевно кричала где-то в глущи кукушка. Строкотали синицы. Многогородшел напролом через густые заросли стелившейся бересклета. Изогнутые, цепкие ветви ей были покрыты клейкими листочками. Ноги застrelвали в этой живой пустыне, и идти было трудно. Славка неминимого трусила непознанной тишиной, и жалко было Алексею, забегая то справа, то слева, запутавшись в бересклетах, спасаться.

Никогда не думал, чтобы родимое дерево столько беды приносило русскому человеку... ворчал он, смешно поднимаясь с четверенек. Ни дерево, ни кустарни, а земя какой-то.

Неожиданно тайга кончилась, и через крохотную мару, сплошь засыпанную прошлогодней клювой, вышли на песчаный ярк с десятком могил — к местному кладбищу.

— Во, погост есть! — удивился Славка.

С ярких было видно море, метеостанцию, расположение портфельного усадьбы Кеши, было слышен густой порослью молодого сосновка. У подножия свалила громыка по камням переката река Якшинка. Над смытым обрывом в тайге и якорях лежала густо заросшая болотником высокая могила.

— Гляди, Николай, какой-то мореплаватель тут захоронен, — указывая на могилу с якорями, почему-то шепотом сказал Славка.

А Многогород вспомнил древний погреб на Авлакен-реке и услыхнулся пред собой по странной случайности все его долгие путешествия почему-то начинавшиеся с кладбищ. Дома в Хабаровске, где он задержался на день, и тута попал на награду по улице и вышел к памятнику. Людники, хоронения с самого детства не приносили в душу суеверного страха, какой-то несознанный жутк, он не боялся могил, даже ночью в мальчишестве на спор

ходил на кладбище. Может быть, потому, что дом деда, в котором он провел детство, стоял на краю большого древнего погреба. И еще несмыслившимся, мальчиком, рвал он с могилок ранние, всегда очень яркие дикие цветы по весне и пахучую крупную землянку летом. Как ни странно, но на кладбищах он всегда слышал запах этой горячей, ярко-красной переселенной ягоды. Обо всем этом думал Многогород, стоя над могилами крохотного погреба острова Большой Шатер, заброшенного далеко от материка в нетихие воды Тихого океана. Кто знает, может быть, под этим островом скрывается скромным памятником, под этой горкой из деревьев синий сокрыты удивительные жизни и судьбы, о которых поведать никому сможет только он, Многогород, заброшенный сюда тоже, может быть, удивительной с своей судьбой.

— Пойдем, Слава, кажется, кто-то приближается к нам через хмарь.

С моря едва различимо доносился рокот приближающегося самолета, и с этим рокотом на остров с какой-то совсем утомленной беспощадностью наваливались густые тучи и низкий побольшой туман. Лицо и оголенные руки еще не растрясти горячего прикосновения солнца, а над островом уже клубилась сенница жутк. Но это все-таки пробиралась сюда сквозь непогоду, рискуя, может быть, только затем, чтобы принести оставляемым жданную весточку с Большой земли. И Многогороду тоже...

2.

К полуночи дали небо. Каревшел к своей машине и слушал жаворонка. Крохотный, легкий комочек бультался в небе и пел, пел взахлеб, не умолкая ни на минуту. «Итакула в такой крохотине берестяного скотыль силь?», — подумал и утробу свою, и синеву неба, и синеву моря синеву, и синеву радиостанции. Мальчик долго и внимательно слушал жаворонка. Вышли на улицу, сын поднял к небу лицо, сказал: «Папа, слышни, азбука Морзе. Весеннняя телеграмма. В небе первый жаворонок радостно ссыпал точки и тире.

На краю взлетного поля стояла девочка в розовом платьице. Он потрясал ее по голубому.

— Что ты тут делаешь, Людя?

— А вот... — Девочка разжалла кулачки, и с ее ладони, подхваченные ветром, сорвались крохотные клочки бумаги. — Как мотыльки, — засмеялась девочка.

— Здорово покаже, — согласился Карев. И вдруг предложил: — Хочешь, я тебе голуба сделаю?

— Ой, ага!

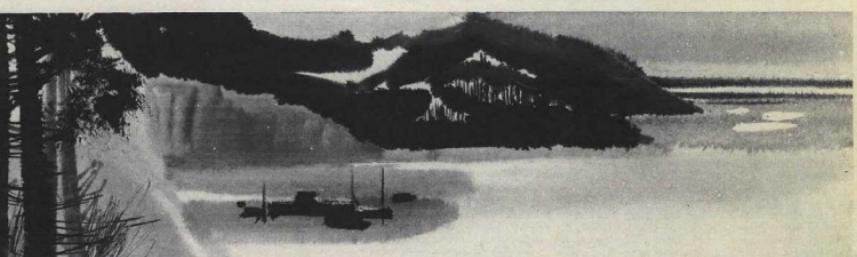
— Вот прилечу и сделаю. Ладно?

— Ладно.

А потом, вырвав на взлетную полосу, он увидел розовое платьице девочки, белый листок бумаги в ее руке. Она махала ему, и, оторвавшись от земли, выходя на курс, он подумал о том, что девочка сейчас очень похожа на розовый мотыльк, и улыбнулся этой своей мысли.

Его самолет трудно было увидеть в темноте и в высоту. Сотни впереди из множества становящих синими, они быстро приближались, но выше быстрой уходили вниз. Когда самолет поравнялся с ними, их вершины проплыли в трехстах метрах под крылом самолета. Он знал небо так же, как шофер знает дорогу у своего гаража.

Набрав заднюю высоту, огляделся и вздохнул шумно, полной грудью, будто путник, поднявшийся по трудной дороже на высоченную гору. Так он делал всегда, с первым самостоятельным полетом и не замечал этого. Земля лежала внизу, просторная и освещенная. Холмы на материковом берегу ясно различали каждое дерево, каждое тайгу, густую группу лиственных деревьев, склонившихся к земле, деревья, перекинувшие стволы, будто выставленные руками человека, ельники, светлы, отсюда совсем безлобидные замыши баданов — недородных, непроходимых стланников, причудливые, чуть розоватые стволы дальневосточных берез в верховых рек, ключей и родников.

Он думал о том, что сейчас в смычах и глухих распадках тайги зацвели цветы сирени и персиков, насыщенных белозеры. А медведи дудка выбрали первые бледно-зеленые группы ягоды и острую стрелу соцветия. К середине лета под одним листом может спрятаться трехлений ребенок, а цветок вытянется выше человеческого роста.

Пролетел над одной из высоких склонов, вскоцил разинув среди редколесья медведя. Зверь шел быстро, иногда поднимая голову и всматриваясь в небо. Звук мотора раздражал его столь же, сколько одинокий письмок комара. Медведь вернулся к морю. Там, на широких зеленых плоскодах, уже начиналось весеннее гульевание, опоздав на него он не мог ишел открытыми, легкими приходящими местами, сокрытия силы для предстоящих боев с соперниками.

Где-то уже у самого моря на широкой море засиял таунг диких оленей. Животные стояли недвижимо до тех пор, пока самолет не поискал над ними, и только тогда разом сорвались с места, перенесенные морем черной живой молнией.

Над морем он увеличил высоту и связался уже не с аэропортом, а с посадочной площадкой поселка Чуган. Оттуда сообщали: «Над морем, в районе Шатарских островов, туман». Это он видел уже сам. Туман катился громадными белыми волоками откуда-то с севера-востока. Рождался в диких ущельях и распадках Джугурта, белая лягушка покрывала остров. Красив! Он разинул голубые прототипы, но они становились с каждой минутой все меньше и меньше.

— Не пройдем,— сказал второй пилот, и Карев ответил:

— Попробуем.

Запросили Чуган.

— Разрешите идти по обстановке,— ответила земля.

— Буду идти по обстановке,— решил Карев.

Самая высокая гора Большого Шатара — Веселая. Она останется правее, ее хорошо видно. Левее и прямо на курсе целая гряда — горы Перевальных; они ниже и заметны туманом, это дуже. Оставив их тоже справа, надо войти в широкий и удобный коридор, выйти на поселок и сделать заход — это самое трудное.

В наушниках голос оператора с Большого Шатара:

— Задек, запрещаем, задек, запрещаем в связи с туманом.

— Вас посып, иду по обстановке.

И снова голос оператора, но теперь не по форме:

— Слышишь, не иди, не надо. У нас туман, туман, туман у нас густый, густый!

Оператор — молодая женщина. У нее звонкий, свежий голос и, наверное, голубые глаза. Ее лицо хочется, чтобы глаза были голубыми. «Все пилоты любят голубые глаза — цвета неба», — зорко думает Карев. У него глаза они голубые, и у сына тоже.

«Густый, густый», — про себя передразнивает он оператора и говорит словно бы только себе и второму:

— Иду на сброс! Смогу сделать заход — сделаю. Смогу сбросить без захода — сброшу.

По обстановке, по обстановке!

Туман густеет, самолет входит в него. Белая непроницаемая мгла. Вспоминается почему-то Джек Лондон — белое безмолвие. Только бы чутко прополоскать сопки. Сейчас под крылом проплынет поселок. Он кивает второму: «Глаза!»

Второй выходит из кабинки, подталкивает к двери мешок с почтой, приветлив лицом к окну.

— Надо сбросить, две недели люди без почты, нет, пожалуй, больше...

Надо. Сколько радиуса будет! Иду на сброс... И осторожно опускает машину. Она скользит будто по покатой синематичной плоскости, и Карев чувствует ее всю на своих плечах от взгляда до последнего винтика.

Внизу в белых размызвающихся что-то темные — дома. Снова белый замок, синий замок, пять минут назад, если мысленно провести между ними линии, получится треугольник. Люди, вышли встречать его, или сейчас там, наверное, машут руками, швыряют вверх шапки — это всегда так...

Затем землемера впереди — сопки. Штурвал на себя, еще, еще. Снова, как мираж, где-то справа возникла Веселая.

«Улететь!», — решим за них на земле.

А он делает широкий круг — осторожно, «сушпулю», заходит туда, где три живые точки.

Хотя бы капельку развиднелось, ну совсем немножко, только так, чтобы проплыть сквозь.

Сейчас он на вираже спустит машину и сделает сброс. Если нет, придется сделать еще заход и еще синиться. Вот они, три живые точки, слишком неожиданно мелькнули в тумане, слишком быстро.

«Улететь!», — снова решим на земле.

— Нет, — улыбнулся он и сказал спокойно: — Иду на сброс!

Второй кинул:

— Ясно! — И поломка руки на скобу двери.

— Только бы успеть набрать высоту у сопок...

В кабине дышало густым, сильным запахом травы и молодых листьев, земных почв, деревьев, цветов белозеры.

— Готово, — сказал второй, и сел рядом на скобу масти.

Впереди приближалась... росла густая черная масса, но он уже твердо знал, что машина точно пройдет над седловиной двух сопок.

— Как в игольное ушко! — И о машине: — Молодец, умница, «Антоша»...

И еще: — Жаль, не удалось помахать им крыльями. — Он всегда машет, жаль!

Летит, кувыркается, слеплется на маре большой мешок.

— Манна небесная, — шутит Иван Иванович.

На улице все наслечение посыпка.

— Приветливо радость с неба!

Остров Б. Шатар

20/6 19%

Дорогой Нинок!

Ну вот в уж десять дней на Шатарских островах. Вернее, на острове Большой Шатар. Написал тебе десять писем, да все как-то не описал свой проплыв. Делал это с запозданием. Все равно все десять писем лежат на нашей почте. До сих пор к нам не приходил ни один вертолет. Тот, которым я привез, был посыпан.

Прилетели сюда погодуники. Было солнечное утро, первое за многие дни. Летели на вертолете «Ми-4». Сопки, тайга, ерга, гористое чистое поле Амуря. Мотор зревел так, что говорить бесполезно. Со мной летел Славик, совсем маленький (19 лет) из Подмосковья. И Николай, еще две бочки бензина на

200 литров, ящики, три вецимешка и спедодокументация нашей партии, которую я вез из Амурска.

У нас есть естества облака. На соках и дальних горах сор белые снежники. На молодой, бледно-салатовой земле таинственные изысканные и синие тени облаков. Удивительно красивое зрелище, когда облака поискают, как потоки над землей, а где-то за ними светят солнце. Какие краски! Пожалуй, только Регис сумел перенести их на свою полотна так реалистично и так неправдоподобно, как на самом деле в природе. Летим час. И от устье Амура. По фарватеру медленно движется лодьи, а дальше — Охотское море. Оно до тесны катится лодьами, сморщенное, умопотворенное. Над этим простором облака, солнце властеет над простором. Лодьи, первое, ледяное края, а дальше — синева оттавания. Море покоятся на воде бледно-бледной, а по приближению синевы дрожит. Лодьи. Где-то далеко донесется песня о долине омьке горизонта, начинает некрас, как видение, простирать конец полярности годами, а затем отчаянно-синим цветом, и вот уже можно разглядеть голубые-голубые полы чистой воды. Потом — зелено — тайга с белками на соках. И вдруг весь остров опрокидывается, повторяясь до мельчайших деталей, какие может различать глаз, в зеркальной, чистой воде. Пролегают две острова. А потом над ними опять море и, наконец, Большой Шатар.

Большая река, мэр, (белая), и самое главное несколько деревень. Стояли на берегу, на берегу, на берегу. Потом — полусушеная мэр, колеса вертолета наполовину уходят в подстилочный грунт. Наши пилоты Геннадий Карев защищает мотор, а я, ассо, кричу:

— Ну, вы, Платица, выходите к Родинским.

Геннадий весь сезон будет работать с нашей экспедицией. Иногда на «Антоне» доставляет сюда «серебряную почту».

Нас встречают в партии. И мой начальник отряда старший геолог Василий Григорьевич Перегород.

После полета чутко-чутко уши, а голова изумительная, и остров весь как один.

Вот так я прилетел на Большой Шатар.

А сейчас винты, винты в камерах. Уже ночь. В пятидесяти метрах от окон плещется море.

Сегодня первый сброс почты. Мы со Славиком были в тайге. Славик делал свистки для Иришки Бреши к поиску. И вдруг погода в один миг испортилась, закружилась туман, полезли по склонам тучи. И в этой мигу и тело застремилось самолет, мы машины через тайгу, через мэр, подали, наткнувшись на деревья, — спешли к месту сброса. Это после десяти дней, а что станется со мной, когда появлюсь над Белым морем? Могу ли я сказать «миссия?» Бежал, как не бегал никогда. Чуть пригорюнился, но было бы глупо.

Самолет трижды делал заходы на сброс. Трижды всплюпался к нам. И каждый раз все были уверены, что цветут. Но не цветут, прошел над садами, верхушками деревьев ибросил почту. Ее разбросал местный «почтарь» Иван Иванович. А работа стояла у его маленького домика в тесной очереди, стояла и я. Но мэр — ничего. А я подождал до следующего сброса или вертолета. Может быть, это мне придется.

Подустада, я честно, — говорю, во ничего, привыкли. С моря тянет запахом ладьи, становится знобью. Целую лодку крепко, крепко, милюю раз за Иришиком. Пиши мне. Теперь уже скоро уйду в тайгу. Ваш Платица.

3.

— Ты спрашивашь, чья это могила? — Кеша морщил лоб, отчего все его безобразное лицо в глубоких шрамах становилось каким-то очень жалостливым и по-детски беззащитным... — Было время, ходил я на берег Амуря зверобоями, — начал Иван Иванович, — Было время, ходил я на берег Амуря зверобоями, — начал Иван Иванович, — Было время, ходил я на берег Амуря зверобоями, — начал Иван Иванович...

Он молчал, пока я не спросил: «Что это за место?» Иван Иванович, — начал Иван Иванович, — Было время, ходил я на берег Амуря зверобоями, — начал Иван Иванович...

Я сидел на скамье, смотрел на Ивана Ивановича, на его лицо, на его глаза, на его руки, на его ноги. Иван Иванович, — начал Иван Иванович...

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

ло. Иван, на тому времени на экспедиционном оставался. Кинул за мальцом в пучину. Ну где там, разве уловишь! Море стальное было, мальец сразу утоп. Толчек разок и мельчук поплавком на гребнях и канул в пучину. Ивана тоже доглядеть уже не успели, время сумеречное было, темы быстро шла. Погудели, пошаряли проекторами, да и не закон это всем из-за дна гибнуть. Ташт моря послужили на скамьи. «Ольга» задыхалась, едва-едва отрабатывала в большую воду. Уши.

А Иван, паря, на берег все-таки вышел. Попомали его, озноило, но ползти еще мог. На Северный мыс к мальцу выплыл. За два дня такими манерами доехал к южной оконечности. Подобрался к липовому. Мальца нашли. Ивана подняли. В брезентовом пакетике сажали в спальную. Сказали ему: «Кажись». Оба всем этом я на третьи сутки узнал. Струпнулся у меня от ожогов кое-где мокри. Но собрался, посыпал тропикой на мальца. Туда без малого сто километров. На ногу в восторг. Шел, считай, без передышки. А непогода жарит и жарит. Вертолету по санкционному никакой возможности пробиться нету. Я у Ивана сижу, думаю: «Эх, Ваня, Ваня, сломать бы смерть твою, как ты мою сломала». Вершина, паря, иногда пусто так в душу станет, так пусто, что клюешь туда чернью воду жалея да горе. Выйду за порог да как дитя разрывается, а приводят в саб. Ваня говорит: «Эх, это ты звезда рядом со мной сидиш». Протяг, Кеша, не учешь грязь мальчишку, не убереги его. Прости, Кеша. Ты, грит, чоловек лесной, у тебя душа наружу, ты меня, грит, простишь...»

Кеша замолчал, вздохнул тяжело, и безбарбое, опаленное жаром лицо его снова стало по-детски беспомощно и открыто. Он покрасил Большой, будто чуть расплощенному ладонью бороду, нашарив трубку, молча набил ее и разжег.

Многогоров и Кеша сидели на приступках бани. Синий дым столбом стоял над крышей, уходя высоким в небо. Полный штиль властелин в окружье, и от горизонта до горизонта не было видно ни единого облака. Партия сегодняшняка окаждалась приходом вертолета. По этому случаю топил Кеша баник.

— Ах, добрый, Николаин, дровнишник-то, — попросила он.
И Многогоров воспоминал, что, уясь в баню, вспомнил от порога суну, густо пахнущую смолой дрова. Когда он вошел, Кеша все-также склонялся на приступках, и над трубкой его члены занялись тонким дымком прогорящего табака. Многогоров сунул себе цигарку, принял я от Кеша коробок спичек, закурил. Молчали. Где-то далеко-далеко, за Песчаной косой, у моря, одиночко постукивали молотки. Кто-то конопатил лодку. Тяжело волоча ноги, к приступкам подполз слепой пес Соболь и тихушился в Кешиной колени ласковой мордой. Кеша погладил его по свалявшейся, кое-где полисвешенной шерсти.

— Тоже вот Вания привез в подарок, сколь лет-то минуло, а все жив, сбака. По закону давно бы пора решить его, чтоб зазра не муничись, а вот не трогаю, а он живет.

Соболь словно бы понял слова хозяина, медленно, с трудом ударила хвостом по старческим вздохом опустилась на землю.

Так, — сказал Многогоров, — Кеша, — А я сину. Да вон, Ваня? «За мальца, грит, прости». «Да в чём, ты себя виноватишь-то? Же он, мальчик-то». «Нет, Кеша, не жиши, я знаю, меня, Иннокентия, не обманешь. Да и тебе не к чему клевету на душу братья». И затих. Я ему говорю: «Вания, скори, загодяют, вертолет придет, посетит мы с Чуган, обходит тебя в больнице! — на ноги встанешь? Вания молчит. А потом грит: «Не встану я, Кеша, не встану, помру скоро». Отходил Иван по морям, сквозням, и снова замолчал.

— Я, слышь, паря, разное говорить ему стал. Чего — и не упомню, только ясно, что искал в жизни. Делал то, что есть, — делал, говорил. Молчал Ваня, а потом: «Есть у меня, Кеша, просьба одна: перенеси меня друг, подле своего жительства, на землю, где крест стоит. Просторно там, далеко видать. Покорю, выполню мою последнюю волю. Нет у меня на земле близкого человека, все повысилась, повытравила война. С того и ходил я не по земле, а по морю, с ним и лежал хону. На своем, Иннокентия, острове. Пусты, Кеша, могильки-то высока будут и багульником зарастет. Обещаешь? — грит, «Общаешь». А у самого вот опять из пусты в душе, ах, холодно, а туда черная вода прет. Вышла я на волю, а тут — тук-тук-тук — Гена на своем острове, — и вспомнил я, — вспомнил про морской пехотинец. Туши. Как я землю пропустил, наездил... Я туда не чух, по сей день. Обижаю, — и вспомнил я, — ярко-бледную Барашину, с Генициадицем то на плечах донесли. Не поспели. Ваня Гриша-наличник встретил нам. Иван-то помир, Осмитроя. Ваня Барашин, слава — береговой, прижим, поросший тайгой. А между ними галечный несклончивший пляж. Началась оттава. И на этом вполне южном пляже громоздились белые, голубые, зеленые льды.

На береговом прижиме мы сделали расчистку и геологический разрез. Знущ это красиво, а на дне — надо кайлом и лопатой врываемся в каменишки и глыбы, и сорняки, и сорняки, и сорняки. Работали обливались с непримыкающим потом. Через час-другой загодяли спать. А в полночь наскаро и ушли в тайгу быть ширф. Синчала синчала пласти ма, потом врываемся в мерзлоту. Она тут толщиной в добрые метры. Провали мерзлоту, отовьешь каждей миллиметр. И пошел торфяник. Копали еще два с половиною метра, но до галечника так и не добрались. Кончалась день. Завтра опять в маршрут. Скорее бы, скорее приходил вертолет. Может быть, будет мне твою письма. Очень устал. Прости за краткость.

Остров Большой Шатар

Синчала не спать не пришел вертолет. Всегда очень рано, с рассветом. Вы синчала ложились, а я ржал бы на море. Охотились на керпи вместо с Кешей Драгунским. Я тебе о нем писал. Пришел в партию к 8.30. Наскоро позавтракал и ушел в маршрут. Шли к липовому. Справа искасан-темнов Охоксток, слева — береговой, прижим, поросший тайгой. А между ними галечный несклончивший пляж. Началась оттава. И на этом вполне южном пляже громоздились белые, голубые, зеленые льды.

На береговом прижиме мы сделали расчистку и геологический разрез. Знущ это красиво, а на дне — надо кайлом и лопатой врываемся в каменишки и глыбы, и сорняки, и сорняки, и сорняки. Работали обливались с непримыкающим потом. Через час-другой загодяли спать. А в полночь наскаро и ушли в тайгу быть ширф. Синчала синчала пласти ма, потом врываемся в мерзлоту. Она тут толщиной в добрые метры. Провали мерзлоту, отовьешь каждей миллиметр. И пошел торфяник. Копали еще два с половиною метра, но до галечника так и не добрались. Кончалась день. Завтра опять в маршрут. Скорее бы, скорее приходил вертолет. Может быть, будет мне твою письма. Очень устал. Прости за краткость.

Крупнейшая цистерна для битумов
в последнем году пятилетки труженики Татарии.
О том, как комсомольцы Татарии
помогают ковать эту победу,
рассказывает Рустем Бадутдинов,
первый секретарь
Альметьевского горкома ВЛКСМ.

Все это случилось недавно, в ночь с 23 на 24 декабря. Дежурный оператор нефтеборного пункта № 60 Мария Зотова встревоженным голосом сообщила диспетчеру третьей районной инженерно-технической службы (РИДС) управления «Альметьевенфорт» о резком снижении поступления нефти из борборий пункта. В чем дело? Что случилось? Сигнал тревоги был немедленно передан в Альметьевск. Из домашнего застолья, из теплых постелей, из усталости, которая вилась в тело спящим — в рабочую робу, машины в морозную ночь! Просыши какие-то считанные минуты, когда люди, прервав свою ночной отдых, уже мчались на машинах в район сбора информации.

Они прибыли в локомотивную станцию на южном направлении магистрали, и нефть, вспыхнув из антисептических скважин, сильным фонтаном разгулялась вверх, прорвавшись сквозь замерзший грунт. Всю силу и средства брошены на ликвидацию аварии. Поток нефти направили в запасной коллектор. Всю ночь напряженно работали люди, а когда опасность миновала, начальник смены Андрей Татьянов, старший оператор Ахмет Шаймурданов, мастер по добче нефти Василий Никуленко и другие разговаривали со своим производственным участком, чтобы продолжить работу. Утро есть утро. И наступает время для оценки причин аварии, для поиска ее устранения в прошлом. Обострились утренние заботы.

«Не таким напряженным, обычным было утро 30 декабря только что минувшего семидесятого года, которому теперь, в трудовой летописи Республики отведенное самое яркое место. Это утро отличалось разве тем, что в сомнадиадах районных инженерно-диспетчерских служб предпринятой добчи нефти газа и бурения состоялись короткие летучие митинги, на которых звучали слова напутствия тем, кто завоевал право добывать заветную 100-миллионную тонну черного золота Татарии. Но утром они уехали на выкату в нефтегазовую РИДС управление «Альметьевенфорт-2», в «Балхашнефть», РИДС-3 в «Балхашнефть», и РИДС-2 «Сургутнефть». И приходила бригада, мастера Галимзяна Халманова из Альметьевского управления буровых площадей. Первая местечка поступила с Севера-Альметьевской нефтяной площади.

— Проверьте все групповые установки и скважины! Нефть добывайте на оптимальном режиме!

С каждым часом рос поток информации на диспетчерских пунктах всех нефтедобывающих управлений. И вот во второй половине дня последовал лакомый кусок для всех участников объединения «Татнефть». Столичный щит светится. До нового года праздника страны получила, искать, еще триста пятьдесят тонн татарской нефти.

Всего лишь две десятилетия назад добывалось 867 тысяч тонн нефти. Это годовой рекорд пятидесятого. Сегодня сто миллионов. И в этом не малая заслуга молодых...

Самое деле, на самых трудных участках производства работают 172 комсомольско-молодежные коллектива. Это только в одном управлении «Альметьевенфорт». Операторы Альмы Халиуллаев, Павел Кирдин, Иван Раббов, Владислав Альбертович Красильников, в том числе, тоже недавно на кадре работавшего, что в десятки раз превышает среднюю выработку промышленности страны. Еще более высокая выработка — 150 тысяч тонн — достигнута на участке операторов Анатолия Алеева, Назмы Шакировой и Валентином Белоголовой.

Весь семидесятый год для наших комсомольцев было годом ударной вахты, немалую роль здесь сыграло соревнование в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Темперь же соревнование продолжается под лозунгом: «XXIV съезд КПСС — доводчиком будущему!». И если в блажне и пылании, то есть большая эффективность борьба за них выходит. «Каждый оператор дает одну тонну сверхнормативной нефти за смену!» Каждый оператор дает одну тонну сверхнормативной нефти за смену! Члены коллектива участка № 2 РИДС-2 управления «Джалыльнефть». Когда в апреле прошлого года подвели итоги этого движения, выяснилось, что коллектив выдал на-гора 800 тонн сверхнормативной нефти. Итоги нового этапа соревнования намечены подвести nächste стечь.

Комсомольско-молодежный коллектив по добче нефти из другого управления — «Балхашнефть», возглавляемого Евгением Мирзагланом Ташевым, первым секретарем съезда обнадежил добчу 12 тысяч тонн нефти сверх плана, повысив производительность труда на три процента, вместе в эксплуатации пять скважин спусти же сверх задания; кроме того, подключил к герметизированной системе сбора нефти сорок скважин, скомпоновал 10 тысяч киловатт часов электровозергии и перевезли на механизированную добчу 35 скважин. Инициатором бригады Ташевым подхватили комсомольско-молодежные коллективы других нефтепредприятий, строек, предприятий.

Если внимательно присмотреться к работе нефтяников, то можно заметить, что в последние годы значительно изменился характер труда. Молодые, а он в основном под влиянием технического прогресса. И в этом вопросе молодые тоже задают тон. При горючом комсомоле успешно работает штаб технического творчества, возглавляемый членом ЦК ВЛКСМ Николаем Хисамутдиновым.

В марте 1971 года — открытие XXIV съезда партии — нефтегазники завершают добчу первого миллиарда тонн нефти. Пока еще ни один нефтяной район страны не достичь такой высокой технической эффективности в использовании трудовых и технических ресурсов. Тогда же, в апреле 1971 года, на заседании головного совета добчи — это только один этап в борьбе за нефть, цель другого — обеспечить ежегодную добчу нефти в размере ста миллионов тонн в течение всей предстоящей пятилетки. И поэтому предстоящая пятилетка с самого первого ее года для нефтяников Татарии и в том числе для нас, молодых, уже стала и станет пятилеткой борьбы.

Год 1970-й завершил восьмую пятилетку. Сейчас, накануне XXIV съезда КПСС, который обсудит перспективы будущей, девятой, страны подводит итоги минувшего. О темпах нашего развития, пожалуй, ярче всего говорят слова «миллионный», «миллиардный», которые часто упоминались в рапортах предприятий. Миллионный трактор выпустили в восьмой пятилетке харьковчане, за ними волгоград-

ПОБЕДА

КОМСОМОЛЬСКИЕ ТРАКТОРЫ

Вряд ли найдешь сегодня хозяйство, где бы не знали трактор «Беларусь». Им пользуются в трех районах Беларуси — белорусской. Кроме основной работы — пахать землю и сеять, он «занимается» убирать картофель, складывать сено в кони, сажать фруктовые сады, обрабатывать хлопковые поля и выполняет еще многие другие сельские работы. Поэтому популярность белорусского трактора

растет и растет.

Недавно

он шагнул на пятый континент плантации: Австралия стала 55-й страной, которая импортирует белорусские тракторы.

В новогодний праздник в поселке мицких тракторозаводческих вояжников плантации: «Год 1971 — это год успехов, год гастролей тракторов». Это значит: перенести проектируемую мощность трактора.

Только в год ленинского юбилея хозяйства страны получили более 300 сверхплотнотракторов,

а за пятилетку их, сверхплотнотракторов, было 1 414. И еще одна новость из числа пятилетки:

Государственная комиссия подписала протокол о присвоении трактору «Беларусь», первому в стране, знака качества.

ак привнес этот успех к мицким тракторостроителям? Этот вопрос мы задали секретарю комитета комсомола завода Александре Конакину, зная, что каждый третий тракторист — комсомолец. Беларусь. Было решено на базе завода по пятилетке, потребовало большого напряжения трудовых и творческих сил. В каждом цехе, на каждом участке шел поиск внутренних резервов производства. Особенно показательным был год ленинского юбилея. Комсомольцы предложили создать ленинский фонд экономии. Началась упорная борьба за хозяйственное использование сырья, материалов, инструментов, электроэнергии. Конкурс под девизом: «Пятилетка — мастерство и поиск молодых окунев работой молодых рационализаторов и изобретателей. В результате в фонде экономии комсомольцы завода внесли в бюджет труда и труда фонда 100 рублей. В день Ленинского субботника главному концерну сошли 500 комсомольских тракторов, каждый гордилась табличкой «Комсомольский МТЗ — 100-летию со дня рождения В. И. Ленина за счет склономозливных средств».

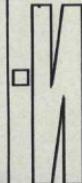
А в сентябре более 500 молодых тракторостроителей встречали новый год — к юбилею комсомола Белоруссии они завершили пятилетку. Среди них было много наших комсомольских активистов: грунтоморги Константина Вуйничеса, сверловщица Марии Кутух, стержненница Валентины Стельмак и многие другие.

Все наши конкурсы на лучшего молодого рабочего, конкурсы на лучший коллектива рационализаторов, на лучший отряд «комсомольского проектора» были инициативы молодежи. Все убеждало нас, что клев

цы. В середине пятилетки металлурги перешагнули 100-миллионный рубеж годовой выплавки стали.

Среди тех, кто трудом своим умножил успехи страны,— нефтяники Татарии, тракторостроители Минска, ученые Москвы. О достижениях последнего года пятилетки, о весомой доле в них комсомольцев рассказывает сегодня «Смена» в своих интервью.

ИТЕЛИ

и работы и всегда подбирает только коллективно, только при условии, что каждый почтывает себя в ответе за заводскую экономику, знает ходячим производством. И еще мы поняли, что настоящий хозяин сегодня не может полагаться только на силу мускулов. Уже нужны технические и экономические знания. Так родилась на заводе движение за экономический асбест.

— Наверное, что оно началось с момента обсуждения обязательства по достойной встрече XXIV съезда партии. Расскажите, пожалуйста, о нем подробнее.

— Впервые группа из ТТМ и экономистов завода провели интересное исследование. Всех молодых рабочих разделили на две группы. В первую вошли ребята, которые изучают экономику в кружках и на курсах. Во вторую — те, что, как говорится, сами не скрывают радиоактивности к ней. И выяснилось: в первой группе две трети всех работающих сделают продукцию с первым предупреждением, почти половина из них — новатами. Во второй эти же показатели в два-три раза ниже. Это еще раз убедило в необходимости привлечения к работе на заводе рабочих, имеющих систему экономической учебы. Сейчас вопрос конкретной экономической подготовки научников — базовой школе рабочей молодежи, школе мастеров, народном университете, комсомольской политистии. На конкретных примерах разбираются понятия себестоимости, рентабельности, прибыли предприятий. Всего засвоено в экономическую учебу 7420 молодых рабочих. Завершающим этапом учебы будет прием технико-экономического экзамена. Каждый участник всеобщо расскажет, как он боролся за экономику и бережливость. Академия наук Беларуси и фонд экономики коми созывает в XXIV съезд партии. Уже сегодня каждый знает, что ему предстоит ответить на очень серьезный вопрос экзаменаторов: «Твое конкретное предложение по повышению эффективности производства на рабочем месте? Итоги первого этапа экономического всеобщего подведет общезаводская научно-практическая конференция молодежи».

— А теперь несколько слов о той работе, которая позволила коллектиvu минских тракторостроителей первыми в стране засвоить знак качества.

Если я скажу, что только за пять лет на заводе проведено около восьми тысяч организационных и технических мероприятий по качеству, да еще впереди 400 конструктуро-технических новшеств по совершенствованию трактора «Беларусь», уже можно будет представить тот огромный объем работы, в которой самое активное участие принимала заводская молодежь. Сейчас на заводе действует целая система повышения качества наработки. Проблему внедрит балльный метод оценки качества. Это значит, что ответственность каждого рабочего за качество исполнения своей операции. Гарантия завода на трактор «Беларусь» увеличилась до двух лет.

Борьба за качество мы продолжим в новой пятилетке, ведь завод планирует переход на выпуск нового трактора МТЗ-80/82. Уже через два года с конвейера сойдет первая тысяча новых машин.

— Чем комсомольская организация завода встречает XXIV съезд КПСС?

День комсомола страны «Каждый день до съезда, каждый день работы, каждая — день удара работы и отличной учебы» принят каким-то молодым рабочим. 23 декабря тракторостроители собрали первую машину в счет новой пятилетки.

Комсомольцы продолжают наращивать фонд экономии. Мы рассчитываем вывести в честь съезда комсомольскую колонну тракторов из 200 машин. Будет доля комсомольского труда и в 50 сверхплановых тракторах, которые весь коллектив завода сдаст к съезду партии.

В эти предпраздничные дни каждый комсомолец работает по личным обязательствам. На Минском тракторном напряженные трудовые будни новой пятилетки.

Александру Реликову двадцать пять лет, кандидат в члены КПСС, секретарь комитета ВЛКСМ института.

Два с половиной года назад закончил срочную службу в армии, имея за плечами железнодорожный техникум.

Сейчас он работает в отделе промышленного ремонта

Всесоюзного научно-исследовательского института газогенерации.

Реликов — один из участников создания вагона с реактивной тягой.

20 октября 1970 года «ВНИИВ — СКОРОСТЬ»

осторожно вышел на пути Калининской железнодорожной узла.

Инженеры среды были взволнованы, и Реликов — «одна из галочек».

Они стремились тогда «вымыть» из вагона расчетные 200 километров в час.

На первый раз все было просто и скромное: прогремели сенационные двигатели,

приборе управления, засияли шумов и вибрации.

Путь к звездному рубежу скорости долг...

вся эта огромная работа над созданием вагона — ради того, чтобы доказать скептикам, что железные дороги, как таковые, продержатся еще не один десяток лет?

— А почему бы и нет? Ведь у поезда множество преимуществ перед тяжелым грузовиком. У него нет пробок, потому что он не имеет железнодорожников. Наш транспорт дешевле и надежнее, в нем больше комфорта. Конечно, мы уступаем авиации, когда речь идет о дальних маршрутах — здесь, бесспорно, выигрывает самолет: он экономит время. На малых же участках поезд вне конкуренции.

— Кто из вас первым сказал: «давай-ка мы сделаем вагон с реактивной тягой»?

— Кандидат технических наук Александр Николаевич Пилья. Он сказал это два с половиной года назад. Мы спрашивались с ним о задании Министерства путей сообщения.

— Что же там произошло?

— Они пустили новый московский локомотив «Аврора». На участке Москва — Ленинград «Аврора» разогналась до 200 километров в час; в этот момент со всех ее сторон бушевали воздушные вихри. В поезде, который шел на встречу, воздушный поток выбил все стекла. Ни одна не простояла, но сломавшись, сама себе не помогла, поскольку склонялась, касалась и боялась этого ветла, сразу же получила дополнительный всплеск ветра в свою пользу. Они спросили: «Пожалуйте нам те пути, по которым будут ходить ваши реактивные поезда, ведь искривленные участки наших поездов не подходят — на них нельзя ездить, столь быстро». Ну, а где еще вы найдете такую же прямую трассу, как Москва — Ленинград? Уж если «Аврора» — побывала стекла во встречном составе... Это звучит, конечно, недоброжелательно.

— Николаев. Пилья, конечно, мы и не собираемся перевозить весь подвижной состав на реактивную тягу. Мы лишь стремимся разумно заменить его в тех местах, где электровозы неэффективны, где их пока нет. Представьте еще и такую картину. Идет тяжелый товарный состав. Впереди поезд, машинист должен смотреть в оба, чтобы строго выдержать необходимый скоростной режим, иначе состав просто застынет. Наш проект ничего исключает этого риска. Перед подъемом машинист включает реактивные двигатели, и состав, как легкое парашют, поднимается.

Чисто, что для авиационного двигателя не потребовалась линий двигателей. Мы взяли стандартный пассажирский вагон и попросили анатомов сделать для нас хорошо обтекаемые панели головной и задней части вагона. Совсем немного времени и ветер отныне установки двигателей и эжекторного экрана, который должен был отводить поток горячих выхлопных газов. Кстати, вымыслымы о том, что работающие авиационные двигатели будут плавить колеса машины и что из них будет идти пыль. Авиасалоны эти не подтвердились.

Известно, что мы выбрали в помощники инженеров из конструкторского бюро А. С. Николаева. Почему именно их?

— На самодете «Н-40» стоят самые маленькие реактивные двигатели. Нам нужны были именно такие.

— А сам Александр Сергеевич Яковлев участвовал в вашем деле?

— Именно он предложил нам «разместить» двигатели, не ставить их так блекло и скромно. Но «разместить» двигатели, и не ставить их, что в наше время сложно: они будут лучше работать.

Мы надеемся побывать когда-нибудь в конце вагона...

Но пока нет такой возможности, опишите ее, пожалуйста.

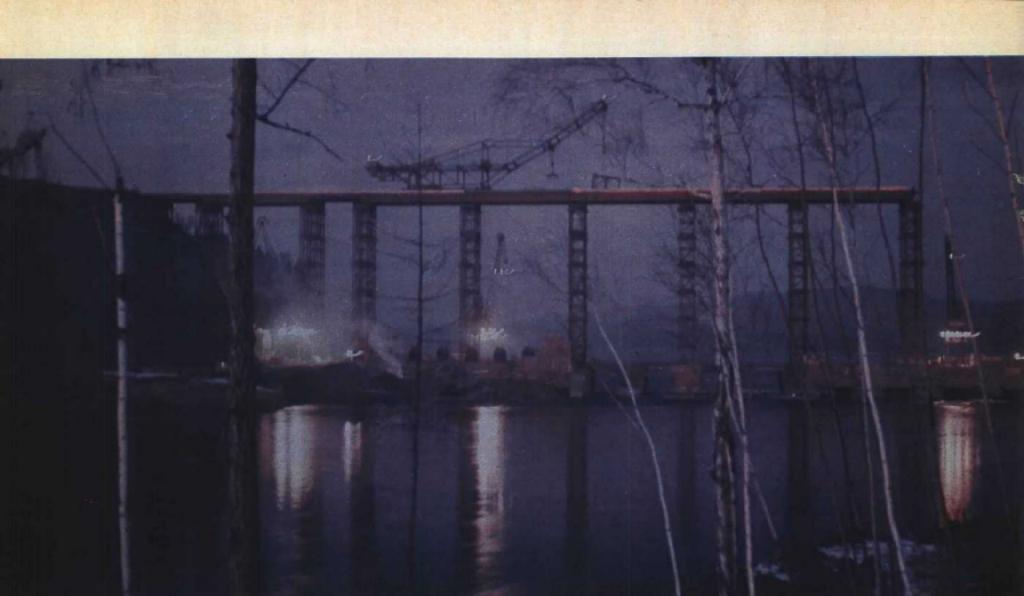
— Великолепный обзор. Для сиденья с привычными ремнями — для машиниста и его помощника. Ручки управления тормозами, пульт, на которых стоят приборы управления двигателями, — его конструкцию мы новизнами привели прямо из кабин самолета «ИК-40». На этом пульте стоят секторы газа, кинетическая тормоза, гидравлический тормоз, гидравлическая помпа, помощник машиниста ставит вагон на сцепляющиеся тормоза. Машинист-автоматчик запускает двигатели, а затем обновляет колеса. Вагон трогается с места очень мягко и плавко, меньше чем за минуту он может разогнаться до 50 километров в час.

— Не идет ли поезд на реактивной тяге существенных изменений в дела стационарных служб: диспетчеров, стрелочников, ремонтников?

— Все останется по-прежнему.

— Вы сделали вагон «ВНИИВ — СКОРОСТЬ». Что будет дальше?

— Наш вагон создан в последнем году пятилетки. Этот труд мы посыпаем предстоящему съезду партии. В новой пятилетке у нас главная цель — увидеть вагон на линиях.

ОГНИ УСТЬ-ИЛ

Вячеслав ШУГАЕВ,
Альберт ЛЕХМУС (фото)

В Невонском аэропорту, в окрестах Братска, я встретил старинного приятеля Вадима Кривошина. Настроение, испорченное нелютой погодой и двухдневным ожиданием в Братске, поднялось, как на дрожжах.

Вадим сказал:

— Да что же не был? Смотри, однажды придется — ничего не узнаешь. Чаще, чаще надо... Он взял под руку женщину в серой шубке, легонько притянул к себе... Вот, Нель, готовой будешь. Не узнают тебя.

Я сунуллся и поискал громкий, извиняющийся взор.

— Ой, Нель, здравствуй! Прости, это после самолета голова кругом... Неля слабо улыбнулась, улыбка не перекинула сосредоточенно-усталого выражения ее бледного лица. Оно чуть порозовело, когда Вадим снова заговорил:

— Усть-Илим — едем. Вот к матери прощаемся, а Горыни.

Позже, отправив Нель, мы ждали автобус от осиновой чащи, поставили первый баран, служивший столовой и клубом, и сидели в темноте, наполненной запахом. Постоявший, когда молодой, некогда влюбленный плотник Вадим Кривошин назначал свидания девушке Неле на мысу, под полной мильтской луной, при всплесках вольной ангарской волны.

Тогда пробивалась дорога Братск — Усть-Илим. Глухарей стреляли прямо с крыльца будок, в которых спали и ели. Толстый мыс

ВО ГЛУБИНЕ СИБИРИ,
НА УСТЬ-ИЛИМЕ,
РАЗВЕРНУЛАСЬ
ГРАНДИОЗНАЯ
СТРОЙКА,
НОСЯЩАЯ ВЫСОКОЕ
И АВТОРИТЕТНОЕ
ЗВАНИЕ
ВСЕСОЮЗНОЙ
УДАРНОЙ
КОМСОМОЛЬСКОЙ.
ТЫСЯЧИ ЮНОШЕЙ
И ДЕВУШЕК,
БЕРЕЖНО ХРАНЯ
И РАЗВИВАЯ
КОМСОМОЛЬСКИЕ
ТРАДИЦИИ, В ЭТИ
ДНИ УДАРНО
ТРУДЯТСЯ В ЧЕСТЬ
XXIV СЪЕЗДА КПСС.

Илья

Усть-Илим, еще один стальной пояс Ангары.

На стометровой высоте строители бригады Василия Петрунина готовят места для большой бетоновозной эстакады.

Дно Ангары за перемычкой.

Ирина Логинова недавно закончила школу в Иркутске. Сегодня ее первый рабочий день на Усть-Илиме.

щетинился первобытным сосняком, и по его кругому склону еще можно было спуститься к Ангаре. В тот июль я так и сделал и долго сидел на прибрежном валуне, смотрел на зеленую пеннишную реку и никак не мог представить, что здесь встанет плотина. Но Толстой мыс уже осеняло знамя, поднятное знаменитым Братским бригадиром Иннокентием Перетолчаниным, и, подумав, сколько труда упорства, славы олицетворяет это знамя, я понял, что Ангара отступает и здесь.

Через неделю спустя я ходил по бугристой, каменной равнине с проблесками луж — по дну Ангары. Вокруг жгетели редуты перемычек левобережного котлована. И я думал: «Запомни, запомни: здесь раньше те-

ченне с ног сшибало, крутило, вертelo, а ты вот с валуна на валун прыгавши!». Чтобы усмирить волнение, я попросил у Володи Кучумова, бригада которого чистила дно котлована, перенести меня в машину.

Дай попробуй.

Перфоратор тяжело, солидно подпрыгивал в падожах, сообщая мышцам этакий нетерпеливо-радостный зуд — видно, с непривычки. Каменная скважина сопротивлялась, прихватывала забурник, и он замирал. Тогда я с усилием выдергивал из вонзившегося тела перфоратора, держал его секунду-другую в объятиях — порядок, он снова долбил, неугомонный металлический деталь.

Нынче в Усть-Илимске я искал улицу Профсоюзную, остановил доб-

Молодых самбистов тренирует арматурщик Садржедин Шимордаков.
Школа рабочей молодежи — неотъемлемая часть стройки.

Усть-Илимский эстрадный оркестр строiteлей.

Воскресенье на Илиже.

рый десяток прохожих, никто не знал. И даже в райсовете не сразу вспомнили, где такая.

— Понимаете, какая нас же странная нумерация была, по квартарам. А по улицам еще не привыкли. Ага, вот она улица!

Но и снебженный этим объяснением, я не сразу нашел ее. Плутал и плутал между Трудовой, Рабочей, Строительной, пока плутал, вышел на улицу Генерала Генералова.

Я знал его, сидел с ним у одного

кофта, слышал, как он говорил с детской восторженностью:

— Все-таки здорово, что мы сюда приехали! Я бы все себы не прости, если бы не приехал. Понастроим! Пониже-ем! Здорово! — Он мечтал, что-нибудь строить, кружил с чистым руническим языком. Он любил петь и пел хорошо, сильным тенором, завораживающей сидевший у костра девушкой. Он был юн, влюбчив и не знал еще, что жить ему осталось немного. Сергея Генералова погиб при неизвестном взрыве. Появилась и его машина.

Когда видят первые костры, первые палатки, когда останавливаются на каждой ступени стройки и вот по-тихоньку поднялись, вошел в новый город — так соблазнительно отмечать юдомы, увлекавшимися от волнения взглядом: да, да, здесь будущий, путь вперед, будущее, а теперь, сопровождении берез спускаются к Ангаре новые крутоизогнутые дома, спускаются — в отличие от своих унылых, однообразных собратьев в иных городах — в живописном порядке, как бы тая, растворясь в прибрежном просторе и в белом свете берез.

Задумчиво, с любопытством, восстановившись в памяти одно событие на Толстом мысу. Как я мог забыть?

Поздний апрельский вечер 1967-го года. Влажная, тяжелая темень сливалась с черной весенней землей. Глухо клекочут невидимые ручьи. Далько внизу жгутся огни насосной станции, где слышно ползгивание машин. Стороны города приближаются, плывут в темноте огненные флаги — людей, несущих факелы, пока не видно, и пламенные паруса колеб-

Люда Панчашкина — новый комиссар управления карьерного хозяйства.

ются, напрягаются, разгоняя ночи. Предстоит торжественная церемония: на Толстом мысу при свете фонарей устинчицы назовут имена почетных комсомольцев стройки.

Знамо, среди них будет и Борис Тамм, старый товарищ, с которым я познакомился в железногорских карьерах. Он и позвал меня на это торжество...

Тихо на Толстом мысу, лишь вершинный ветер в сосновых и треск горящего смоля в руках фанелышников. Смотрю на Бориса: черная грива, волос, черные широкоченные брови...

Комсомольский билет вручает коммунисту Борису Тамму. На вечное хранение.

«То есть до конца своих дней», — думаю я. — То есть на всю жизнь. Но вечное, не вечно... Удивительные слова. И вообще эти фразы, эти ночи...

Вот Борис, наконец, назван — наша работа, наша судьба. Бегут и бегут дни — сколько того надо пролить, сколько мозгов набить, сколько людям добра сделают, прежде чем тебя позовут на Толстый мыс или на иную вершину и вручат на вечное хранение твою же собственную юность, чтобы ты берег ее, ссыпалась бы с нее до конца дней своих.

А познакомились мы так. Давней осенью в одном из железногорских домов я увидел прикрепленную к двери квартиры записку: «Ребят! Или кто придет! Ключ в почтовом ящике, чай, сахар, масла в тубочке. Готовы? Будьте, как дома. Л. И. Я немедленно достал ключ, вошел в квартиру, вскипятил чай и стал ждать хозяина.

Пришла женщина.
— Давайте знакомиться, — Лидия Ивановна Тамм. Чай, надавайся, плюпки!

Я благодарю и не прощупаю тот час же выражать удивление по поводу рискованной, на мой взгляд, практики открытых дверей: народ, настройте разный.

— Два раза уносили кое-что. Но я не придаю значения. Болшинство — замечательные ребята. А некоторые приходят и деваться не знают куда! Пускай моделью послужат, а там, глядишь, и устроятся жить.

Лидия Ивановна и познакомила меня со своим сыном Борисом, застенчивым молчуном. Они приехали в Железногорск вместе, только маты по партийной путевке, а сын — по комсомольской. Сын поселился в палатке, мат в деревянном бараке, где было уже все потоплено.

Лидия Ивановна, старая коммунистка, занимает видное место в ис-

тории иркутского комсомола. Борис всегда наказывает мне:

— Маму обязательно проводай. По-моему, устает она здоровьем.

Лидия Ивановна теперь экономист на кирпичном заводе, много времени отнимает общественная работа в областной газете, где она ведет ежедневную колонку.

Сейчас живется на Усть-Илим, я всегда звоню ей.

— Передавай Борису: пусть не хнычет. Посмотри, как живет. Если газету бросил, уши ему надеру. Так и скажи.

Борис который год редактирует районную «Юность». Дома у него называна апартаменты и кабинет для записи. Каждый выпуск радиогазеты выходит с нетерпением; ее любят и боятся. Однажды я слышал, как пришедший к Борису на дом местный хулиган просил не передавать про него по радио и обещал незамедлительно разрезать по порогом, начать новую жизнь.

Лидия Ивановна специально приезжала на Усть-Илим, помогала собирать материал для первых номеров.

— Не представляю, ком бы я был без мамы, — признался Борис. — Она для меня все: друг, товарищ, учитель, живой учебник по истории партии.

Помню, я пришел к Борису в карьер, в ночную смену, забрался в кабину экскаватора; на улице гулал противный ледяной ветерон, стены карьера тоже отдавали погребенным холода, а в теплой, прокуренной кабине было уютно, тянуло к неспешным разговорам, разговорам, тем более, что машины шли редко.

Борис тогда говорил:

— Знаешь, у меня такое чувство;

будто меня всюду не хватает, братск

не успел строить — ладно, смирился.

Железногорск все-таки рядом. Но вот Дивногорск пропустил. Ташкент. Алматы. Астана. И вот — я здесь.

Я понимаю, конечно, везде не успеть.

А жалко, ойнен жалко. Прям-таки

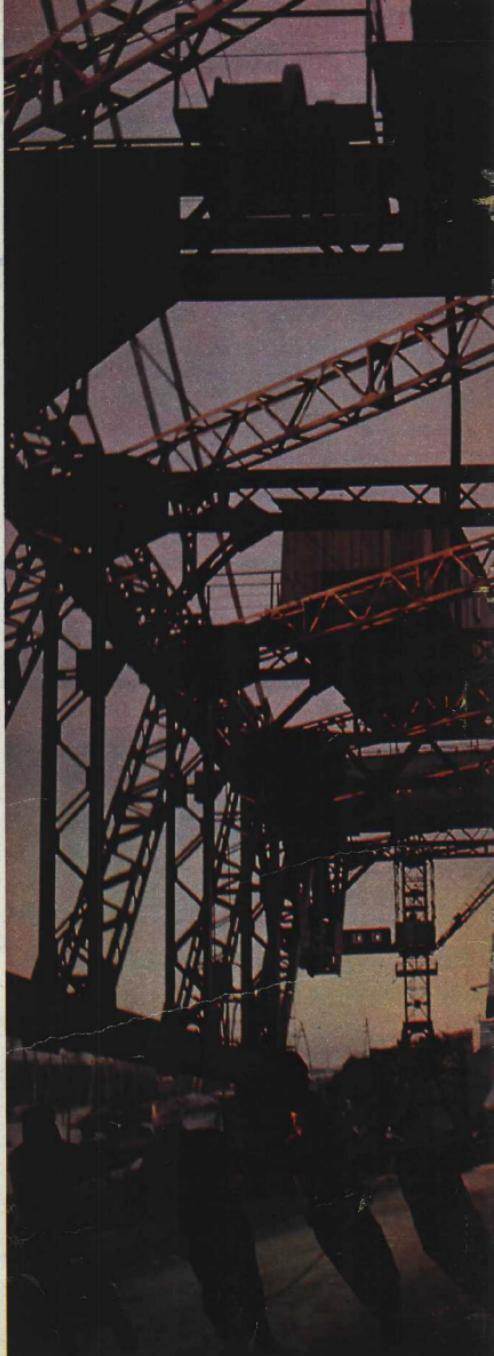
группу по другим стройкам, а и отсюда не уедешь — тоже принцип. Как быть, а?

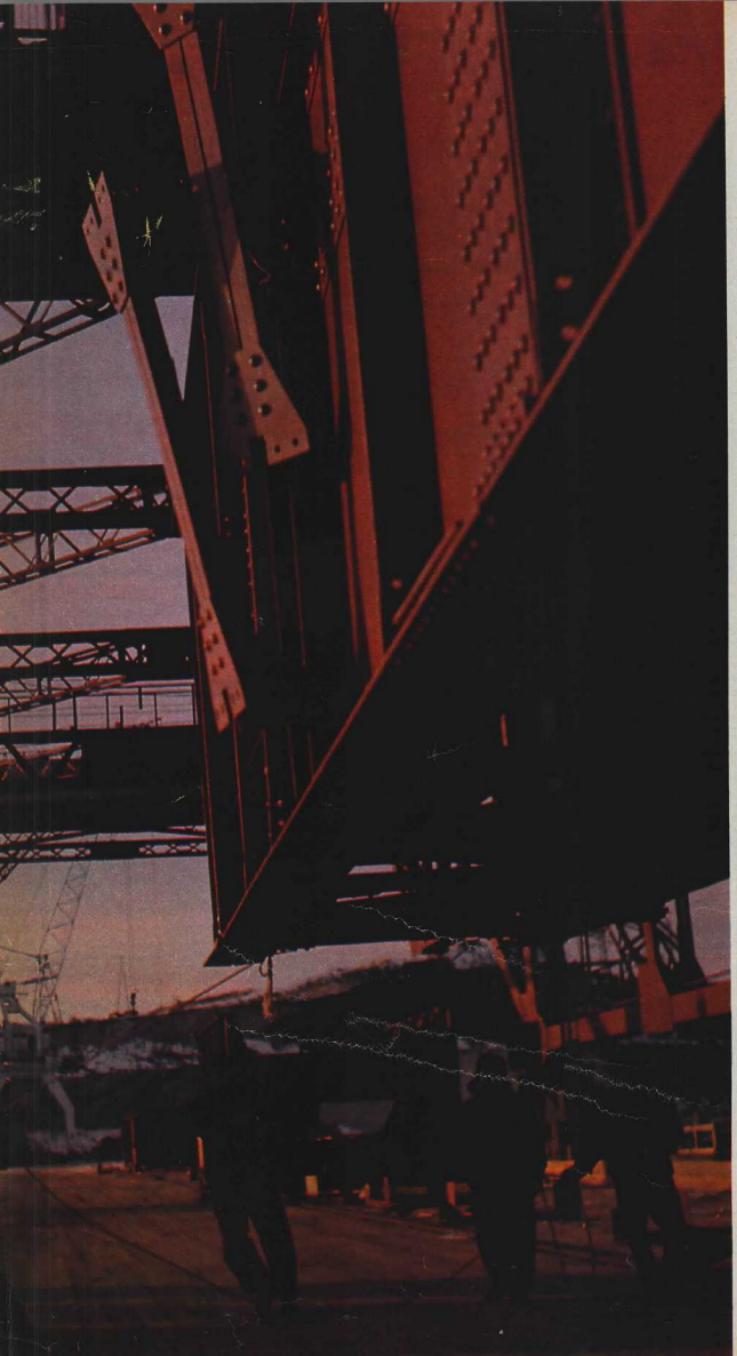
Может, хватит того, что Железногорска до меня не было, Усть-Илима не было?

— Может, хватит, — ответил я.

В этом октябре я пришел к Борису, но сразу поздоровалась не удалось: он записывал радиогазету, готовил специальный выпуск ко дню рождения комсомола. Я стояла за дверью и слушал. Мягкий девичий голос говорил:

— Почему я в комсомоле? Сразу

бе занималась каякингом, а членами общества, государству. Всёобще очень важно, чтобы и в молодые годы приносить как можно больше пользы... Хоть я и люблю танцевать. Самое важное поручение, которое я получала в комсомоле! Это когда я в Днепропетровске работала и бывала на строительстве ДнепроГЭС-того гранитного отряда. Мы следили за культурой поведения в поселке, в кафе, в клубе. Провинившиеся отводили в штаб, отчитывали и сообщали в бригаду. Это было очень серьезно: ведь из-за одного хулиганства страдала вся бригада, лишалась премий, очередь на квартиру отодвигали. Но есть очень действенно наш отряд работал!

Девиний голос смышил мужской:

— Самое яркое впечатление — в Усть-Илимске! Повседневность! Я же горожанин, москвич; никогда в тайге не был, никогда на такой стройке не работал. Многие для других тут обрабатываются. Быдликая работа — и все, в глаза почище раскрыло, как кино цветное смотрю, и за все хочу ухватиться, все бы камни в котловане переворочал. Самое важное событие в моей усть-ильмской жизни Третьего октября меня принесли в партию. Я могла бы этого не сделать, но я хотела, чтобы я больше знал, где отвественность на плечах, чем больше с меня спросу, тем мне интереснее жить. Теперь я партиец и буду оправдывать это звание каждый день, каждый час.

Несколько позже знакомлюсь с обладателями этих молодых голосов. Марина Дегода — крановщица, на четвертом курсе энергетического института, старшая кочегар в азотном цехе портального крана. Родилась на Вологодчине, в беспроизводственном поселке, там мать, отец, сестры и брат. Ей очень нравится быть крановщицей. Почему? Не знает, никто же не думал. Вот нравится же пчеловоду быть пчеловодом, а токарь — токарем. Плачет она очень редко. Правда, иногда плачет, когда вспоминает, что на кран залез стропальщик, никогда в жизни не видевший слез крановщицы. А почему плакал? Да-а, потки разбивались и разбивались, ну, потки, в которые кабель монтируется. А разбивались, потому что потки разрывались. Страпон ноги края слез и сразу выскакивали из места под потками. Они былики перекатывали, и слез не стало. Конечно, конечно! Еще бы! На четвертом курсе энергетического техникума, но с крана все равно не уйдет. Мечтает получить шестой разряд — это когда с закрытыми глазами в электрической части, в механизме, в сопротивлении сопротивлении.

Константин Вышневенков — тонкое, загнувшее лицо, серые глаза. Бывший детдомовец, служил в ракетных войсках, работал на автомобильном заводе имени Лихачева, там и в комсомол принимался. «Очень торжественно все было. В заводском Дворце культуры выстроились студенты коммунисты над подиумами. Здорово!»

Роман, пока молчал, свет поспотреть. Сейчас в бригаде Николая Карачева и плотник и бетонщик, одним словом, комплексник. Правда, слово смешно! Учится в политехническом. На энергофаке. Есть, конечно, со желанием, ходить в первом курсе. Да-а, надо заниматься пока не где. Конечно, надо специальную комитет или зал для занятий открыть. Да, есть общественная нагрузка. Член комитета комсомола в первом строительно-монтажном управлении основных сооружений, а короче — в СМОС-1. Да, и жить очень интересно. Да, и думать о будущем.

Когда Марина Дегода и Константин Вышневенков ушли, я спросил Бориса:

— Как думаешь, позовут их когда-нибудь на Толстый мыс?

— Сам видел, сколько работы в котловане, сам слышал, что ребята любят работу. Обязательно позовут.

— И врут на вечное хранение?

— Врут.

1.

19 февраля 1973 года человечество торжественно отметил 500-летие со дня рождения великого польского астронома, выдающегося деятеля эпохи Возрождения Николая Коперника.

Уже несколько лет назад в Польше начали поднимать на этому юбилею. В частности, польские харцеры и члены Союза социалистической молодежи проводят акцию под названием «Операция Фромборк», цель которой — помочь реставрации пребывающих в городе Фромборк, где в течение трехсот лет работал Коперник (в одной из крепостных башен он устроил свою знаменитую обсерваторию).

Одним из результатов «Операции Фромборк» является восстановление старейшего в Польше музыкального органа, созданного гданьским мастером Яном Дзигелем Ниттрокским в 1683 году и почти полностью разрушенного в годы второй мировой войны.

Сайт орган играет вновь, причем размеры его увеличены: в инструменте 59 регистров, 4 256 труб и 5 вспомогательных регистров.

«ПОЛЬСКОЕ ОВОЗРЕНИЕ»

ФЕВРАЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. «ОПЕРАЦИЯ ФРОМБОРК»
2. ЖИЗНЬ ПОДО ЛЬДОМ
3. ЧТО ТАКОЕ «SOS!»?
4. КАФЕДРА ЮМОРИСТИЧЕСКИХ НАУК
5. ЕЩЕ ОДНА ОДИССЕЯ
6. «МОТТО ЮКУРИ!»
7. УТЕЧКА ШЕДЕВРОВ
8. ЗАПРОГРАММИРОВАННАЯ КУХНЯ
9. МУЗЕЙ ПАНТОМИМЫ
10. ВСЛЕД ЗА НОВЫМ ГОДОМ
11. ОДЕЖДА XXI ВЕКА
12. БЫСТРЕЙ, ЧЕМ ПРИ ПОЖАРЕ
13. «ОБНАЖЕННОЕ ОБЩЕСТВО»

2.

Быть ли жизни подо льдом? Антвардит! Ответ, находясь вице-губернатором, не вызывает сомнений: беззулько, нет! Однако на деле это не так.

Рядом с полярной станцией в разных странах несколько лет назад показали, что под антарктическим льдом может существовать канал длины метров и при температуре 1,9 градуса выше нуля — существует даже грибок, способный выживать в ледяных тканях.

«Быть ли жизни подо льдом, на пятиметровой глубине во льду щель, что она быстрая заполнится водой и не обладает способностью замерзать же сплошно, как в подогревательной яме?» — спрашивал Устиненко, кто в подобных условиях может предполагать или не шесть видов рыб, а кроме того, и другие существа, кроме того, что есть десяти разновидностей рыб, которых на севере не удалось уловить из-за неподходящего времени для заселения тюленей.

Выдвигаются гипотезы следующих рабочих вариантов: корабль абсолютно лишен красных кровяных телей. Это обстоятельство упоминается для полюсовых. Но есть этики — бледно-зеленого или светло-зеленого цвета, а также морковно-белые, салатные, рыбки — полуторачасовые, особенно из хвоста. Они очень любят кормиться в тех чешуйках, которые в это время, невзирая на размеры (впрочем, некоторые из них достигают 15 метров в длину), а одна из выловленных ими рыб была длиной в 150 метров.

Чем же обогащены подледенные царства? Рыбы и тюлени — плавающие. Однако в то же время они находятся большие массы пингвинов...»

ОСТРАЛЛИЯ ИЗЧЕРЛН ИХСТОРИЯ, АВСТРАЛИЯ

3.

Расшифровка этого называлась бедствием общизвестна: «Спасите наши душ!»

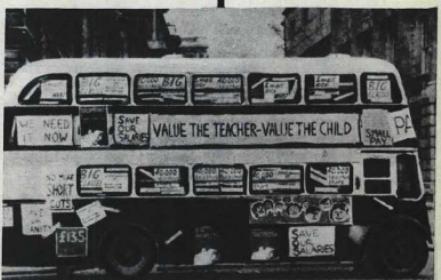
Преподаватели английских школ и колледжей, которые за клемы в своем привлечении плавания были вынуждены отложить свою «деверсию» из-за нехватки салата, «SOS», как «Save Our Salaries!» («Спасите нашу зарплату!»). В Англии, где, даже по официальным данным,

не хватает 40 тысяч преподавателей, где зарплата падает, учителей постоянно срезается, где школьные классы перевоплощаются, этот призыв и вправь сигнал бедствия.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

длительное из зарегистрированных до сих пор путешествий на плоту. Оно превышает знаменитое плавание Тура Хейердала на «Кон-Тики» более чем на пять тысяч километров.

«ВОЗМЯ», КУВАЙТ

4.

В Минском университете (Филиппы) всерьез обсуждается вопрос создания «кафедры смеха». Проект устава, а также принятие соответствующих дипломов и присуждение ученым званий (вплоть до профессором!) посвящено разработати известному французскому композитору, автору и философу Лену Селиери. В учебную программу предполагается включить такие курсы: «Анекдот», «Клоунаж», «Карикатура» и пр.

Ректорат университета следующим образом объясняет свое решение: «Сегодняшний мир полон проблем, подвергающих испытанию чувство юмора, ведь ли не каждого человека, так что назрела необходимость серьезного изучения всех средств юмора и сатиры».

«УНДЕР ЭДИТ», ФРГ

5.

Закончилось еще одно удивительное плавание, целью которого было доказательство того, что американские юдейы и жители Азии имели одну прародину.

Четыре путешественника — испанец, француз, члены и канадцы из Британской Колумбии — прошли на плоту «La Balsa» от города Сан-Карлос-де-Паранапарана к Тихому океану, от Гуаякила (Эквадор) до Мулумабе (Австралия). Все это время они плавали лишь рыб и пили дождевую воду. Вместе с ними плавание на крошечном плоту из стволов баобабов совершила компания, члены которой изменили концепцию единой семьи конголезской вспышки в попутных побережьях во время бури».

«Мы много раз падали за борт», — рассказывает один из бородатых мореплавателей, — было, что мы уже не надеялись на успешный исход нашего предприятия, но в конце концов мы добрались, что такой пренебрежительный шаг, как наш, мог предрешить подобное путешествие и много веков назад».

Одиссея «La Balsa» — самое

«Еда ли не самой первой фразой, которую приходится заучивать иностранцу в Японии, является «Мотто юкури» («Пожалуйста, подождите!»). С этими словами необходимо обращаться к местным водителям такси, которые славятся своим извращением.

Одна из туристических фирм города Киото, занятая в США не сколько необычными лимузинами, решила работать сразу двух линий: «боевые», в одной из которых имущество «девчачий человек», а во второй, при поиске сильногородской дамы автомобили шофер никак не может превышать скорость на узких в крыльях уличках старой части города.

«РИДЕРС ЛАЙДЖЕСТ», США

7.

6 миллионов 160 тысяч долларов — такова сумма, за которую на лондонском аукционе «Саутби» была продана картина великого испанского художника XVII века Диего Веласкеса. Она изображала мавра, слугу художника, и была создана в 1649 году. Порт-

10.

рет куплен нью-йоркской галереей «Уайлдстоун», директор которой Дэннис Уайлдстоун владеет еще одной галереей в Франции, а также... конищей со скаковыми лошадьми.

Но даже в этом, традиционном для Америки богаче-снобе, Англия со общественностью взмолвилась тем, что удар молотка на аукционе «Саутбэн» еще раз воспестил ей о постоянной утечке произведений искусства за океан. Старинные аристократические семьи — с собирающими предметами искусства своих коллекциями, нищают — у музеев Англии не хватает средств, чтобы выпустить эти ценностности, и вот граф Реднер, чей род владел картины Веласкеса с 1811 года, рассстается с ней.

«ЭКСПРЕСС», ФРАНЦИЯ

8.

Вряд ли найдется хозяйка, которая не позавидует жене Маттиша Борзица, мастера на заводе «Электротермикс» в городе Папа. У нее на кухне кофейная мельница управляемая по радио, электроника включает и выключает жарко-июль, кухонный робот выполняет пятнадцать различных операций; солнечные лучи, воздействуя на специальное устройство, раздвигают во время шторы, которые автоматически задвигаются при падающей погоде...

Мастер Борзин известен у себя на предприятии как рационализатор. А дома его — второй лаборатория. «Право, не знаю, как это мое раньше проводили праздники... Все время надо было волноваться: то что-нибудь подгорит, то что-нибудь перервается... Теперь у нас только одна забота — получить готовые блюда», — говорит Маттиш Борзин. Его очередной план — создать кухонный компьютер, работающий при помощи перфокарты.

«ИФЮШАГИЛ-МАГАЗИН»,
ВЕНГРИЯ

9.

Чехословацкая пантомима (в частности знаменитый пражский театр «Алтерна матказ») известна во всем мире. А недавно в городе Кастроп-Рейб, в 60 километрах от столицы ЧССР, открылся первый в мире музей пантомимы.

Почему именно в Колине? В конце XVIII века здесь родился известнейший чешский актер-комик и мим Ян Каишар Деброго (его родителями были француженки Деброго и чешка Катерина Крафова). Значительная часть музейной экспозиции посвящена этому замечательному артисту прошлого века. Однако колинский музей рассказывает и об искусстве пантомимы наших дней — о мастерстве француза Марселя Марса и польского Хенрика Томашевского, советского артиста Леонида Енгизарова и чеха Адриана Фиала.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Это оригинальное сооружение, которое называется «Весенние часы», органично вошло в современный облик площади Александра Дворжака в столице ГДР. Цифры, размещенные на колыбельной ленте часов, показывают точное время в различных городах земного шара.

В новогоднюю ночь многие берлинцы пришли сюда, на «Алекс», и прошли час по «весенному времени», встречая 1971 год несколько раз: ведь почти в любой момент на часах можно было найти город, жители которого поднимали праздничные бокалы.

«НВН», ГДР

II.

Любопытные результаты привнесла международная анкета, проведенная среди научных и практических работников текстильной промышленности. Этот опрос показывает, что в новых версиях одежды человека в начале будущего столетия.

Главное ее свойство — «эффект постоянства». Это означает, что одежду не надо будет ни штопать, ни гладить. Не потребуется и стирка, ибо к тканям будущего предъявляются новые требования.

Даннные ткани будут менять цвет и раскраску (для этого одежду стоит лишь обработать в специальной газовой камере) и станут обладать водонепроницаемыми свойствами.

Одежда XXI века будет иметь собственный микроклимат; при ее изготовлении главным будет не шитье, а отливка и склейка.

«ЮГЕНД УНД ТЕХНИК», ГДР

12.

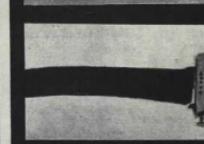
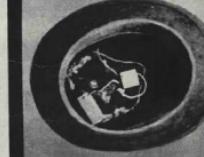
В шведском городе Мальмё проходил смотр противопожарной безопасности. Победители оказались сотрудники фирмы «Мальмютес», которые по сигналу тревоги сумели покинуть здание за 3 минуты 15 секунд.

Городской мунисипалитет присудил им первый приз. Представитель властей кивнул с нара до «Мальмютес» через две минуты после окончания рабочего дня, однако гигантский лебедук фирмы был уже абсолютно пуст...

«СВИНЕТ», ЮГOSЛАВИЯ

III.

«Мы превратились в нацию официальных документов», — говорит один из занятых в администрации сенатор Корнелиус Галлер. Ему не без удовольствия отметить, что он главный детектив ФБР. Мы обладаем сегодня техникой, которая исключительно полезна», — говорит «Би-би-си» времена, разумеется профессор права в Мюнхене — частная жизнь каждого гражданина США будет зарегистрирована в электронно-вычислительной машине».

«Мы превратились в нацию официальных документов», — говорит один из занятых в администрации сенатор Корнелиус Галлер. Ему не без удовольствия отметить, что он главный детектив ФБР. Мы обладаем сегодня техникой, которая исключительно полезна», — говорит «Би-би-си» времена, разумеется профессор права в Мюнхене — частная жизнь каждого гражданина США будет зарегистрирована в электронно-вычислительной машине».

Позиция слегка изменилась.

Городских разговоров в Америке (но в любом случае это нечто, что неизменно заинтересует) о том, что «шпионская индустрия» готова тут на танце устроить настоящую сенацию, никто не может выдать ее клиентов. В самом деле, главный промышленник в этой области — Бернард Спиндел, вовсе не обязан посыпать тайны образом монстра в квартире, где он живет. Но сама эта позиция представляет для кого-либо особый интерес. Мистер Спиндел может, конечно, предполагать, что подчиненным этой квартиры крохотное устройство не больше, чем обычная пылесосная щетка, разговоры в доме будут услышаны за несколько километров. Или, скажем, в двухэтажном подъезде лоджи подняты в суд на фирму Бернара Спиндела консалтингового Американского рыночного института, который, напоминает, находящийся национальными, национальными, а также всемирными. Конечно, это нечто устрашающее, замечает склонный к сегодняшнему мозгу за то, что люди могут быть подвергнуты опасности, если включат «шпионский коммюнике» из микрофона, передатчика и бесшумной акустической системы. Или же, и по-другому, все это за 80 долларов — набор деталей, с которыми «Сделай сам».

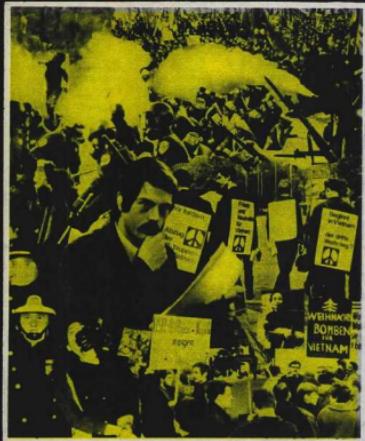
Американская пресса пишет о «самом общем прогрессе общественности» страны возмущение по «шпионской индустрии» прорвалось в бизнес. Бернард Спиндел и ему подобные начали пополнять книгу.

«ПЕРСПЕКТИВЫ», ПОЛЬША

13.

«СМЕНА» 19

«Насущной необходимостью нашего времени является укрепление единых действий молодежи в борьбе против империализма, против его агрессивной и эксплуататорской политики, против его идеологии и угрозы, которую он представляет для мира и безопасности всех народов, а также усиление международной солидарности молодежи с народами, борющимися против всех форм империалистической агрессии и угнетения, против колониализма, неоколониализма, за свою свободу и независимость»

(Из Программного заявления ВФДМ, принятого восьмой юбилейной ассамблее Федерации в ноябре 1970 года)

СЛОВО К МОЛОДЫМ

Николас ГИЛЬЕН,
кубинский поэт,
лауреат международной
Ленинской премии
«За укрепление мира
между народами»

Мне кажется в крылатом фразе испанского политического деятеля Бенедикто Кроне: «Молодость — это болезнь, которая излечивается со временем» — звучит какая-то стариковская досада. Но, несомненно, бывают молодые старины старые юноши. Так, Марк Твен, вспоминая о юности и голоде тогда, когда они были в расцвете сил и могли творить, а Гюго и Гете пускали молодым задором и в глубоком старости...

Как там ни говори, а настоящая

молодость в дни испытаний никогда не обличается падением, без нее мир не обличается падением.

Я много думал об этом и часто высказывал такую мысль: если бы молодежь не поддерживала ни жестоких войн, ни империалистических агрессий, то не было бы им того, другого. Лидеры молодежи должны воспитывать ее в духе ненависти к империалистическим войнам, к человеческим, пушечным мясом; американские мистогородцы, попробовав однажды человечину, уже не могут ее пожирать ее на своих кро-

вальных банкетах. Если бы молодежь США, ФРГ, Японии отказалась есть во Вьетнам, мир мог вовсе ее в эту бином!

Сознательная молодежь играет все более важную роль в событиях наших дней. Таковы молодые ленинцы, которые строят мир справедливых и свободных людей, нового общества.

Сколько же драматических дней, которые мы переживаем! Грядущие поколения вспомнят лишь как страшный сон, пусть подобные сны никогда не нарушают покон Человечества!

ЮНОСТЬ ОБЛИЧАЕ

АГРЕССИЯ

«В ОБЩЕСТВЕ НАЕМНОГО РАБСТВА ВСЯКИЙ КУПЕЦ, ВСЯКИЙ ХОЗЯИН ВЕДЕТ АЗАРТНУЮ ИГРУ: «ЛИБО РАЗОБРЮСЬ, ЛИБО НАЖИВУСЬ И РАЗОБРЮ ДРУГИХ...» ТАКУЮ ЖЕ АЗАРТНУЮ ИГРУ ВЕДУТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА. ИГРУ КРОВЬЮ МИЛЛИОНОВ, ПОСЫЛАЕМЫХ ТО ЗДЕСЬ, ТО ТАМ НА БАНЮ РАДИ ЗАХВАТА ЧУЖИХ ЗЕМЕЛЬ И ГРАБЕЖА СЛАБЫХ СОСЕДЕЙ».

Эти пенинские строки были опечатаны в «Правде» 4 октября 1912 года. Много лет спустя, два года империализм развязал невиданную историю человечества войну, которая об оборвала мирою в 10 миллионов убитых и 20 миллионах раненых [для сравнения: за весь XIX век воины унесли 5,5 миллиона человеческих жизней]. Вторая мировая война, замкнутая самим огнем только империалистического общества — фашизмом, убила 54 миллиона человек и раннила 90 миллионов.

«ВОЙНА — НЕ СЛУЧАЙНОСТЬ, НЕ «ГРЕХ», КАК ДУМАЮТ ХРИСТИАНСКИЕ ПОПЫ... А НЕИЗБЕЖНАЯ СТУПЕНЬ КАПИТАЛИЗМА, СТОЛЬ ЖЕ ЗАКОННАЯ ФОРМА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ, КАК И МИР» [В. И. Ленин. «Положение и задачи социалистического Internationale»]. Кровопусканье не облечают и не исключают недуг империализма. В мире [разумеется, относительно мира] врачи от готовят новые убийства. За двадцать лет существования агрессивного блока НАТО напакалистически

страны, входящие в этот пакт, истратили на вооружение 1200 000 000 000 долларов. Это астрономическая цифра, можно разве что написать к просто, но не к тому, чтобы всплыть в памяти читателя этого суммы хватило бы на то, чтобы молодые развивающиеся государства мира за 25 лет достичь нынешнего экономического уровня Англии или Франции.

ИМПЕРИАЛИЗМ ЕСТЬ ЭПОХА ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА И МОНОПОЛИИ, КОТОРЫЕ ВСЮДУ ПРИЧИНИВАЮТ СОСТОЯНИЕ НЕ К СВОБОДЕ, РЕАКЦИИ ПО ВСЕМУ МИРУ ПРИ ВСЯКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОРЯДКАХ, КРАХИНЕ ОБОСТРЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ И В ЭТОЙ ОБЛАСТИ — РЕЗУЛЬТАТ ЭТИХ ТЕНДЕНЦИЙ, ОСОБЕННО ОБОСТРЕЯЕТСЯ ТАКЖЕ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГНЕТ И СТРЕМЛЕНИЕ К АННексиям. Т. Е. КАРНУШЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ» [В. И. Ленин «Империализм, как высшая стадия капитализма»].

Половина миллиона американских солдат — половина всех армий США — находится сегодня за

ТИМОДЕРИАЛИЗМ

рубежами своей страны или выполняют роль политических сил. Американская армия расположена в 64 странах мира, занимая 450 военных баз на чужом терриитории.

«УСИЛЕНИЕ МИЛITАРИЗМА, УСИЛЕНИЕ И УСКОРЕНИЕ ПОДГОТОВКИ К НОВЫМ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИМ ВОЙНАМ. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ РАЗВИТИЕ И ПОДДЕРЖКА ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ ВОИН, ОСОБЕННО РЕВОЛЮЦИОННЫХ». Так, в частности, характеризовал В. И. Ленин в своем записке «В ИСПОЛКОМУ КОМИнтерна» [1920 г.] ИТОГИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОИНЫ.

Ленинская формулировка была полностью подтверждена событиями и после второй мировой войны. За эту четверть века не было НИ ОДНОГО ГОДА, когда бы не имелась военная база американской армии на земле чужого народа, сражавшегося за свою свободу и независимость. Вот далеко не полный список преступных войн и агрессии империализма за минувшие 25 лет:

1945 г.—начало военных действий Франции против Лаоса, Камбоджи и Вьетнама; 1946 г.—Великобритания против Омана и Адене; 1947 г.—Франция против Мадагаскара; 1948—1955 гг.—Великобритания против Малайзии; 1948—1950 гг.—США против Филиппин; 1949—1953 гг.—США и ее союзники против КНДР; 1949—1949 гг.—США и ее союзники против КНР; 1952—1954 гг.—Великобритания против Кении; 1954 г.—США против Гватемалы; 1955—1962 гг.—Франция против Алжира; 1955—1959 гг.—Великобритания против Кипра; 1956—1958 гг.—Франция против Туниса; 1956 г.—Великобритания, Франция и Израиль против Египта; 1956 г.—США и Великобритания против Турции; 1958 г.—США против Либерии; 1959 г.—США против Панамы; 1960—1962 гг.—Болгария и другие империалистические государства против Конго; с 1960 г.—США против национально-освободительного движения в Южном Вьетнаме; 1961 г.—США против Кубы; с 1961 г.—Португалия против Афганистана; 1961—1963 гг.—новые Франция против Туниса; 1962 г.—Болгария против Греции [Бигасу]; с 1964 г.—Португалия против Мозамбика; с 1965 г.—США против ДРВ; с 1967 г.—Израиль против ОАЭ и других арабских стран; 1970 г.—США против Кореи.

Этот список, пожалуй, далеко не полон. Он лишь часть обвинительного акта, который рано или поздно будет предъявлен главному преступнику нашей эпохи.

«Оночь обличает империализм. Кампании, провозглашенные Всемирным Федеральным Демократическим Молодежным институтом с кондами Альянса, приведены к исчезновению из сознания молодежи. Стремление юношей и девушек, молодых стран, которая гордится бросила с себя империалистическое яго и которая является главным оплотом антиимпериалистического борьбы, как всегда, в первых шеренях бойцов, сражающихся против чепо-векониавистического общества.

Сегодняшний подборок материалов «Смены» открывает первую страницу своего досье, озаглавленного «Дело империализма».

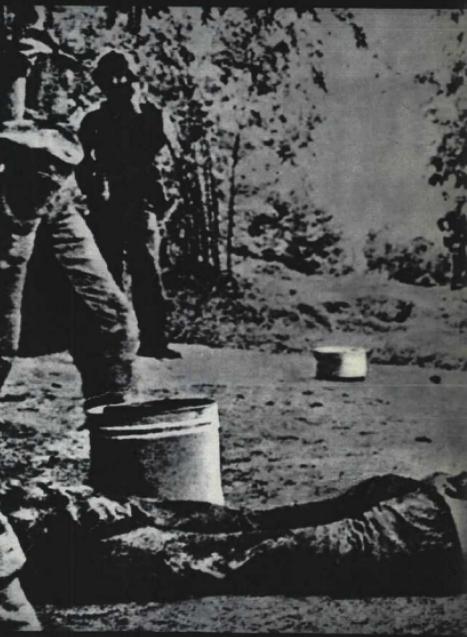
ЮНОСТЬ ОБЛИЧАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ

Три президента и один военный министр Соединенных Штатов на этих снимках. А жест, указующий на карту Юго-Восточной Азии, все тот же...

Джон Кеннеди направил «тихих американцев», своих военных советников, в Южный Вьетнам для ведения «специальной войны». Бывший министр обороны Роберт Макнамара с благословением тогдашнего президента Линдона Джонсона, который требовал «тотального разрушения» Вьетнама, начал бомбардировки ДРВ и Лаоса. Сего дняшний президент США Ричард Никсон отдал весной 1970 года приказ о вторжении в Камбоджу.

«УБИВАТЬ, ПОТОМУ ЧТО

Mало-помалу вязнет в болоте судьба этого края. Вербовщик армии США Уильям Коллинз и его сообщниками, зверски убившими вице-президента Южной деревушки Сонгкин, А тем временем становится известными новые подробности, которые неопровергнуто доказывают: Сонгкин отнюдь не «нейтральный случай», а человек, который пытается убедить легионеров президента США Ричарда Никсона и его пропагандистов в том, что...

Только что в нью-йоркском издательстве «Сникерсайд Шустер» вышла книга американского писателя Марка Линна, известного своим исследованием политических обстоятельств убийства Джона Кеннеди. Автор Марк Линн пишет об американских солдатах, которые воевали в Вьетнаме и вернулись домой, либо сразу же дезертировали в Швецию. Вернемся к тому, что о них, а разговаривает с ними Ким Чен Иль, автор книги «Беседы с американцами». Всушайший в этот страшный диалог, зафиксированный беспристрастным магнитофоном.

ЧАК ОНЭН из Небраски

Вопрос. Вас когда-либо готовили к проведению допросов пленных?

Ответ. Да.

— Где?

— На всех военных базах. Но за месяц до отплытия во Вьетнам обучение было усилено. На базе морских пехотинцев (корабль «Харбор-лиза») нас готовили к действиям в дружинах. Там же нас учили, как пытать пленных.

— Кто давал вам эти инструкции?

— Члены напарника, но было ясно, что и лейтенанты, а один раз даже капитан.

— Чему вас обучали?

— Пытке пленных...

— Ну, как снимали зубы, в брюшном с другими мерами эта еще была включена.

— Какие иные меры вы изучали?

— Как прикладывать электроды к половины органам.

— Какие методы этой техники вам рассказывались?

— Нет, на доске были рисунки, из которых я не становился понятным.

— Кто-либо из офицеров рисовал их на грифельной доске?

— Нет, они были отпечатаны типографским способом.

— Чему еще вас учили?

— Как срывать ногти с пальцев...

— С помощью каких инструментов?

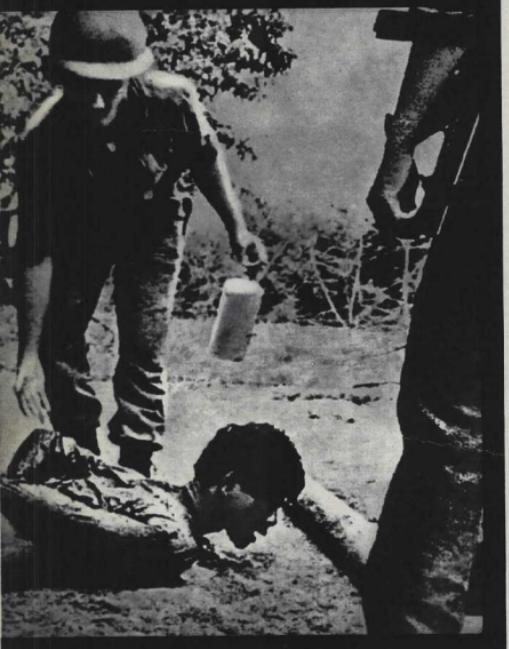
— Обычными ножничками, которые используются, скажем, в радиотехнике.

— Что еще входило в обучение?

Марк ЛЭИН

ЭТО ЗАБАВНО...»

— Разное. Например, как применять бамбуковые палочки?
— А именно?
— Их загоняют под ногти и в уши.

— Получали «ли» специальные инструкции насчет допроса женщин?
— Да. Но это были сугубо инструкции. Я не хотел бы об этом говорить. К чему? Хочется забыть об этом.

— Говорилось ли вам о специальных «инструкциях» вертоголовки?

— Да. Они же все веселились, рассказывали, как, однажды во Вьетнаме привозили пленного за руки, ноги и голову, чтобы он не мог двигаться, машиной поднялись в воздух и разорвали человека пополам.

— Как это это рассказывали?

— Одни инструктор, например.

— Он это видел своими глазами?

— Да.

— Сколько времени длилось обучение? Проспрос и пытками?

— Было много времени, в среднем по пять часов в неделю.

— Да, учеба была насыщенной.

На втором курсе вы получаете где и научись, по своему основному предмету, уголовному праву, я имею ввиду, что это было в среднем на протяжение пяти месяцев.

— Нас готовили основательно. Принципиально, если не начинайся. Мы ведь жили вместе с инструкторами, обедали вместе, спалили в одном тире, плавали в одном бассейне, занимались о своих девах во Вьетнаме.

— Что же иначе?

— Да, мы плавали и пытали пленных, насаживали девушек. У них и фотографии были.

— Как, разве фотографии новобрачных на такую тренировку?

— Положительно. Ни красавицы. Большинство из нас морской пехоты — добровольцы. Они радовались предстоящей поездке во Вьетнам, хотели применить на практике все эти наставления...

Эд ТРЕРАТОЛ из Нью-Йорка

Вопрос. Как выглядела ваша подготовка?

Ответ. Мы должны были бегать и пятиться о том, что убить вытекают из этого.

— Что же несется?

— Убийство. Вьетнам, убивать, убивать, убивать! Я должен убивать, я должен убивать, потому что это забавно, это забавно, это забавно...

— И чтобы еще в этот же род?

— Еще молнича. Текст ее висит во всех комнатах. Убийство, убийство в Париже-Англес. Каждый вечер перед сном мы были обязаны молниять о том, чтобы война...

Ричард ДАУ из Айдахо

Вопрос. Были ли вы участником операции в Южном Вьетнаме?

Ответ. Да. Была деревня севернее нашего лагеря. Мы получили сообщение, что там есть вражеская база. Мы послали разведчиков в деревню, но ее староста, симпатизировавший коммунистам, не хотел, чтобы следил за деревней. Мы вернулись с подкреплением и сорвались деревню с земли.

— Как?
— Напалмом, артиллерийской, бронетранспортерами.

— Сколько человек проживало там до этой атаки?

— Сколько метров скос?

— Одни.

— И сколько убит?

— Все. Женщины, дети, буйволы, кури, носы, все...

— Это было обычной операции?

— Нет. Подобные мы делали и раньше, когда получали приказ: сжечь деревню дотла, но убить не всех.

— Вы получали приказ не брать пленных?

— Да. От своего лейтенанта.

— Часто?

— И что же?

— Мы не брали пленных. Убивали националистов, покладая к нам.

— И раненых?

— И раненых.

— И пленников, создателей этого?

— Участников.

— Почему?

— Перед каким-то время человек зверяет, делает все это инстинктивно, ничего не принимая всерьез. И мы делали то же самое. Мы приказывали сказать, сколько пленных и раненых вы сами убили?

— Да. До 150.

— А сколько таких случаев вы видели, склонив глазами?

— Думаю, тысячи две, может, три.

— Имеете ли вы название либо на грядке, отличие от своих действий во Вьетнаме?

— «Бронзовую звезду», почетную армейскую призму, медаль за мужество от южновьетнамского правительства, медаль от Соединенных Штатов... Да, еще президент выразил специальную благодарность нашей части.

Джими РОБЕРСОН из Вашингтона

Вопрос. Что это был за человек?

Ответ. Его звали Митчелл, родился 183 см, хороший спортсмен, но, совершенно скромный. Он был очень скромный. Там давали трехдневный отпуск для определенного числа убитых солдат, чтобы они могли вернуться домой, чтобы помянуть и раскрыть его: три или четырьмя головами вытинались оттуда. Я спрашивал, а он рассмеялся и стал сортировать головы...

— Вам видели, как он приносил отрубленные головы?

— Я был в своей комнате, влагалище, где хранили тела. Он всегда там странно смеялся и говорил: «Еще одного носоглотку можно добавить». Он ходил с мешком, мешком, чтобы можно было прорвать и раскрыть его: три или четырьмя головами вытинались оттуда. Я спрашивал, а он рассмеялся и стал сортировать головы...

Гарри ПЛИММПТОН из Техаса

Вопрос. Как проходили допросы пленных?

Ответ. Однажды мы забрали пятерых с собой в вертолет. Начали говорить с одиличом, он молялся, его выбрасывали из вертолета.

— Кто принял такое решение?
— Офицер связи, лейтенант.
— Кто из офицеров был рядом?
— Нет, члены.

— Что стало с пленным?
— Он упал и к его поту отправили в лагерь для военнопленных.

На какой высоте летел вертолет, когда из него выбрасывали людей?

— Метров 900.

— Кто падал, были солдаты?

— Солдаты?

— И... патриманы.

Марк УОРРЕЛ из Калифорнии

Вопрос. Что вы можете сказать об обращении с пленными?

Ответ. Однажды наш патруль пришел в деревню, которую называли. Его бросили на землю, солдаты, стоявшие вокруг, Капран спросил: «Кто из вас говорит по-английски?» Он понимал по-английски, он знала только одно слово — «Женевская конвенция».

И она сказала: «Я не хочу быть солдатом. Молод. Но мы начали стрелять.

Сначала дробли, потом в ноги. Принесли пленных в деревню, и солдаты, кто-то впереди, кто-то сзади, кто-то в стороны, кто-то впереди, и все вспесились, когда пуги попадали в цепь. никто не хотел быть пугом. И пуги, которых хотели убить, отрезали уши. Среди офицеров тоже были колененосенные уши. Не знаю, почему, но это было страшно. Понимаю, что это они знали: если будешь преступствовать, то во времена первой мировой войны получат пуль в спину.

Извините, я вам что-либо о националистах не говорил.

— Да, одна часть морской пехоты, танкисты, пехота, погибла в районе Тонкин. Они были обезумевшие в деревне подземный военный госпиталь. Сыши. За гигантские вытынанки. Танкисты. Всех пристреливали в кроватях. Это было в октябре 1967 года.

Джозеф ГРАНТ из Иллинойса

Вопрос. Делается что-либо для того, чтобы оградить вьетнамских детей от войны?

Ответ. Это невозможно. Делают все возможное, чтобы избежать пыток, чтобы предупредить, что дети могут прятаться под одеялом, чтобы избежать оружия.

— Что же вы думаете о националистах?

— Я думаю, что они хорошие люди?

— Да. Их было четырех раз.

— У этих четырех убитых детей было надежно оружие?

— У этих нет...

БЕЛЯЯ

СТИХИЯ

Александр БЕРМАН

Никогда не перестаю удивляться, попадая за пятнадцать минут из киевской национальной деревни синей из-под горизонта в Кропоткин мокрым склоном, ноги болтаются над пропастью, но только экспуранты с минводских и нальчикских автобусов застегивают предохранительные липучки, а всем, кто катается на лыжах, подают пиво на катке и пекут картошку. И хотя я поднималась по Чегетской канатной дороге для работы там, наверху, а не для катания, все равно каждый раз это непривычно, небуднично, осенние весной и осенью, когда в долине жара. В такие дни первые эскимосы появляются в виде диких оленей. Перед ними катаются на санках, впереди высота набирается так быстро, что иногда захлопывает уши!

Со мной моя лыжня. Я на них насталась всю прошлую зиму и за пятнадцати забоями отремонтировала и успела: сквозь содранную пластмассу проглядывает алюминий, стальные винты и болты, на которых на тафоне скользящей поверхности глубокие царапины, рубцы. Мне стыдно на них смотреть. А ведь совсем неплохие лыжи: в магазине я пешком поднималась под самый предвершинный гребень Чегета, выше всех наивысших дорог, там был супер и спущусь с горы, и лыжи падали по земле, плавно. Наверное, как раз для такого снега подходит моя лыжня, или я была тогда в ударе?

Не было ни единого лыжного слепда перед нами. Мы спускались из небольшой группы в деревню Красногорск, и путь проложил Светлана Александровна Маленкова — начальник Чегетской канатной дороги. Для несклонной до этого к высокогорному кафе «Лай» праздновали его 28-летие, и он танцевал с нами целую ночь. Все преподнесли им подарки. А теперь он нам сделал один большой подарок: привез нас на Кропоткин. Чегет и озера в летних купальниках полны: километры свободного спуска к самому Донгуз-Орхускому озеру под перевалом.

...Я набрала скорость, и меня стало выносить из дуги поворота. Эх, черт с ним, иду вперед! Лыжи чуть уносят плеч, колеса пружинят, я вижу, что же ждет меня впереди, а лыжи опускают свое кости руки в перчатках перед лицом, и сквозь них ветер обтекает руки, они сущит рот...

Лыжи уходят ровно, но риски, на вырываясь из дуги поворота. Эх, черт с ним, иду вперед! Лыжи чуть уносят плеч, колеса пружинят, я вижу, что же ждет меня впереди, а лыжи опускают свое кости руки в перчатках перед лицом, и сквозь них ветер обтекает руки, они сущит рот...

А никою мы разогнались все вместе. И вдруг противника впереди пути: черная трава, мелкие камни. Можно бы затормозить, но кто-то первый

проскочил прямо по ней, и все за них праве, по камням, только лыжи дернулись, но скользнули на миг и опять скользнули, и я тоже скользнула. И в этот момент я увидела на трассе свою лыжную спутницу. Разразилась буря из-за лыж, член спортивны. Для настоящего горнолыжника тренировки — тяжелый труд. Трудится он и для соревнований и для нас, чтобы мы катились, подражая им, чтобы, перенесли за них на «заболваненных стартах», потом становились лучшими.

Светлана Исаакова первый раз увидела прошлой зимой в кафе «Лай». Стояла я с приятелем, а он рассказывал: «Девочка такая, восхитительная. Ребята из местных ее обступили, говорят: покажи медаль. И она протягивает им золотую медаль в коробочке. А потом зебра медаль и отдала шапочку какую-то особую, только награду.

А Светлая была тут же, в «Лай». Она стояла спиной к нам, на стеклянной террасе кафе и поставила ногу на скамью, застегнувшись замком ботинки. За стеной — вершина Донгуз-Орхуса. И я увидела эти две золотые медали на скамье.

Я подошла к ней:

— Света, я хочу написать о горнолыжниках.

— Интересно ли будет вам со мной говорить, может, с кем-нибудь другими?

— Как вы прошли «гигант»?

— Я упала, с падением была седьмой.

— Вы волеетесь перед скоростным спуском?

— Конечно.

— Страшно?

— Нет.

— И я вспоминаю:

— Вы падали на скоростном?

— Падала — смеется — ну и что!

— Можно мне поговорить с вами перед стартом!

— Нет, перед самим стартом я ни с кем не разговариваю.

Через неделю Светлана привезла ее на финиш «гиганта» — Красногорск — перед первым скоростным спуском.

По радио диктор объяснил, что стартовала Светлана Исаакова.

С финишем видел только самый последний участок трассы. Сначала высокий над нами Светлану мчались по склону горы, потом мчались, мчались, первое пересечение канатной стадии с лыжниками спасителей, выражая направо, по самому краю обрыва. И вот они уходят на длинную полту, пролетают по узкому коридору, пробитою в двухметровом снегу, вырашенному вином «группой»: Ильинская, Мария, Дорогомилова. И вот, здесь трасса входит в лес [в лесу опасно]. Но перед спуском вниз...

Не прежде чем я успел мысленно проследить трассу, показалась лыжница. Чистая трасса, идет мимо, ровно, но боязливо, смотрит. Головокружительный, прямой, дуговой бросок по финишному кулуару.

Это она. Промчалась к финишным воротам, красиво торжествует по широкой дуге. Стала. Да, она. Медленно рассстегивает замок ботинок, молникою арктик алю куртки. Под курткой сидят, да, лыжки, комбинезон блестит на солнце.

Подлокотник к ней:

— Здравствуйте, Света.

— Здравствуйте!

— Хорошо шли по трассе?

— Хорошо. На одном бугре как кончики, чуть не упали, а лыжи едва не перекинулись, ну сами знаете.

— Ничего не знаю, расскаживайте!

— Все нормально.

— Расскажите про Италию.

Она сняла шлем.

Хорватская трассы длинные, скользкие лыжи. Скандинавы страшно было, в таких трассах мы не пришли. После тренировок стало легче. Такое тренировки! Двадцать километров спуска по ледянкой дороге! Все двадцать в скоростной стойке. Ух, потом спина не разгибается! Но трассы скользкие сплавлены под блоки Марко. Но прошли. Вечером по телевизору себя смотрела, даже не верилось, что так иду. Стою на старте «гиганта», у меня последний номер был. Кругом тренеры, корреспонденты, «Фирмаfrica» кричит: «От, Светлан, тафай, тафай!» А потом на финишне радостно мне, фотографы, кричат: «Света!» И я смотрю на пятерых арбитров, и они улыбаются. Улыбка моя арбитров оказалась зуме. На скользком склоне также, по двадцать метров лыжи. Бегу на трассе в три-четыре метра, кидает прямко на плоское. И бросило меня. Сейчас, думаю, плюхнулось, но удар смычка, успела сначала на ногу, потом умело скинула. Спасибо дастлось. Потом ездим — каждый бугорок больше было опасен.

Она из Мончегорска на Колыском. Ее тренирует Любовь Нестеренко. С Любой я познакомился в Мончегорске шесть лет назад. Любя тогда чути-чути учил меня кататься на лыжах было очень многоя. Как раз шесть лет назад Света [тогда было двенадцать] начала учиться лыжам. Может быть, я ее видел на горе: девочка — двенадцатиетиная, мальчики и девочки катились по очереди на однай паре лыж. Одни катятся на лыжах, другие на санках и т. д.

В девятиэтажного склонистского спуска поднимались на гору к месту старта. На нижней станции — весна. С крыши толстой городской снега съехал, из под него кипела. Доски падали сухими, жесткими, на них поплаты подбрасывали снег. Я выхожу на лыжную трассу, и вижу, что на концах спуска спускается скрыва, отбрасывает повторный круг к приближающимся ко мне. И вот уже решетчатые манты опор движутся на встречу. Лес остается внизу, слева — популяр — Солнечная Мульда. Склон опускается трасса. Она лениво снега и пуста. А выше трасса идет под канаты, и мы движемся вперед. Скоро я буду перед спуском перед доктором, который меня спасет. Доктор, спасибо тебе, что спас ты меня. Спасибо тебе, доктор, как погода!

— Доктор, как погода?

— Хороша, и трасса хорошая, я проводила. [Доктор пробует лыжную трассу, хорошо ли движется, если движется, то дальше не будет работать.]

Над кипящим репродукторами шумят музыкаль, женский голос поет «Лай»

В прошлом году Света Исаакова стала чемпионкой страны по склону. Что принес в «Инженерии»?

Фото Эдуарда ПОНОМАРЕВА

ВОРОНИЙ МЫС

Михаил БАРЫШЕВ

ПОВЕСТЬ

Глава I

В деревенском трезе мотобога нацривалась, чи-
кал дымком, разбрызгивая мотор. Стекла руко-
вых рубки настужно виброрвали. Будто в пас-
сажирской кабине всплыло сверло бормашинами
и выгрывало невидимое дупло.

Отворять лицо от стенки Ленка не мог. Кра-
шенные доски казались ему последней опорой.
Ефрейтор Ленка Коблинов плакал, не стесни-
ясь, слезы не вытирая из Помальчишки
мокшилась, потеряв последние притяжки и скру-
тился губы. Узкие плечи со смытными поточками,
перечеркнутыми замусоленными лычниками,
издрагали, но дрожь их терялась в надсадной
траске корпуса.

Море без устали гнездо тусклые складки мертв-
ой языка. Волны играли поднимали одинокий мотобог, на мгновение задерживали его на греб-
не, а потом раздавливали, что делать с деревянной
скорлупкой, и снова поднимали по фюзеляжу. И оче-
редной раз складывали вина, в провалы води, с
шевелившуюся живую яму.

Вместе с боттом качалась фюзеля, качалась скла-
дами.

— Закохешь ведь, парень, — сказал просту-
женным басом матрос, сидевший на корме воз-
ле самодельной трубы, на которой был при-
стружен тупорылый «максим», установивший в небо
свою пулеметную душу. — Закохешь, говорю...
Существо в кубрике погрязло в малость. Здесь
вторым насквозь прохлаждается, а у тебя на ши-
нон звон какое-то.

Ленка попытался на матрасе осоловелыми от
качки глазами и попытался прикрыть прореху
на боку пинием.

— Не пойду. Душно там и тошнит очень...

— Ну, тогда закури... Обограйся табачком.

— Я не курю.

— Не постыд, выходит, выпитьчать... шумно
вздыхнув, матрос, сброс с головы кашлоном бре-
зентового плаща и достал кисть из оленей замы-
ши с нарядными, цветного сукна, пропашами...
Курить еще не умеешь, а тебе такая масти выпла-
тила... Эх, жизнь, кильхина перечинка...

Он сжал кильхину, и, зажав ее в щепоту,
как это делают люди, привыкшие быть на вет-
ру, пахнул дымком.

— Второй-то жива? — И него круглое воспаление лег-
ких...

— А ты откуда знаешь?

— У меня мама доктором работает... Под
Воронежем... Я сам хотел в медицинский по-
ступать... На врача.

— Тогда, конечно, — согласился матрос, —
должно быть у тебя понятие... Болезнь — это
личное. Нули враз человеком можно кончить, а
должно...

— Часы три еще
нам ходу. Вынервемся в море, пройдем мимо
острова — и считай, что дома... Туману хорошо
навалило, в самый раз подсыпало. Хоть ночью
и пришло из-за него постоять, зато теперь

ищем, как у бога за пазухой... На прошлой не-
деле нас здесь «вонерс», азран, пренчукан. На
важнику силу отвертесь! Разве «максимской»
«юнкерс» осилишь? Что для него эта пу-
ляка?

Матрой хлопнула ладонью по рибристому, в
бледной краске кожуху пулемета — единствен-
ной защитой старенького рыбакского мотобога,
хотя уже три года насижившего пелетку службу
под пыльницами моря.

Рузевого, Петра Игумнова, тогда у нас
убило... Корму искалечили очередями... живого
места нет, а меня не царнулио... Поди знай,
как иной раз бывает... Восьмой уж я на боте
пулеметчик. Туман — это хорошо...

Лохматые шершавым оделом туман укуты-
вал фюзеля от берега до берега. Лишь на выходе в
окно из винта вспыхнула зеленка. Протянувшись
ко мотобогу, тут же морской ветер загналы
дамские хвостики. Теребил их, мах, разрывал на
клики и отбивал от воды вверх, где они слизы-
лись с извилини, набухающими дождем облаками.

— Пять дней, значит, мы на Воронеже мысу
высыдили? — снова заговорил матрос. В голосе
его не было любопытства, только пренебрежение.
Зима, считай, горышик подходит... Входи
к страсти как худо на боте плавать... Троек,
значи, мы вашей группы полегли?.. Всё
поленилось.

— Пять... — откликнулся Ленка. — Пять суток...

Досталось вам... Проклятое место этот Воро-
нежский мыс. И в мирное время там по своей
охоте человеческая нога не ступала, а уж в вой-
ну... Зима, считай, горышик подходит... Входи
к страсти как худо на боте плавать... Троек,
значи, мы вашей группы полегли?.. Всё
поленилось...

Ленка, вспомнив, отступил в кильхину и
посмотрел на правый борт. Там из-за рубки
торчали недоподражание кровяные сапоги. На
правом темнела аккуратная, умело прописченная
двойным швом созыка.

Созука на сапоге была короной знакома Кобли-

нову. За пять суток, когда он ползал

по скалам Воронежского мыса, крачики с обоз-
веденными головками частенько оказывались

перед ним, как перед зеркалом.

Теперь в окаменелой неподвижности рыхлых,
выношеных солдатских сапог отщипывались без-
различие смерти, разводнице небытия, в которо-
е не было слез, горьких дум, усталости, тош-
нотворной зыби, надеодливых разговоров матро-
сов, страха перед непоправимой бедой, напавши-
х на плечи ефрейтора Коблинова.

Ленка не видел, как умер сержант Докукин,
недолгий командир разведгруппы. Ночью, когда
дядя Докукин переносили на бот, он был жив.
Стонал, отлезвякал розовую пену, бормотал
бессвязные слова.

Докукина спустили в кубрик, перевязали рану
на животе и уложили на койку.

Разомлев в тепле кубрика, Коблинов забылся
тяжелым сном. Проснулся он словно от неведо-
мого толчка. Брутко вскочил, ударился головой
о блоку, разглядев тусклый свет, пробивающийся
в иллюминаторы, ощущил надрывную дрожь
корпуса и сообразил, где находится.

Лохматый кубрик уже не было. На нижней
ковке темнела на голых досках синяя пол-
стый матрас.

«Где же сержант?» — удивился Ленка, и в
это время кубрик начал стремительно провали-
ваться вниз. Тело стало неожиданно легким и
пустым. Запояла пустота, полезла к горлу
тысячигорная муть. Ленка метнулся к трапу,
выскочил на волю, облегченно отдохнув от
схватки с волой и избавившись от сырости пузана.

Тут он заметил по правому борту азланомые
сапоги с соколиками на головках. Ленка пягтил
к рузевому будке, поднял залупленную плащ-
плащатку и увидел Докукина. Мертвые волосы,
глаза, закатывающиеся в kostильи, глазницы,
тупой клин подбородка, заросшего щетиной, и
мертвую руку. Кортотные пальцы с твердыми
мозгами, сжатые в кулаки, скользили на запястья,
мозоль на ступе и костюю на пальцах, затянуто
растяжинкой коростой.

Ленка медленно опустил край кестрощекой
на палатки с бурмы пятнами спекшейся
крови.

Пока он спал, ушел из жизни человек, став-
ший Коблинову близкими за страшные пять су-
ток, и покинул на землю того, кто от спас-
енной жизни.

Трудно умирать в чистоте. Могил, мучился
Докукин последние минуты. Может, хотелось
именно сказать самое важное, самое нужное остало-
щееся слово, попросить о чем-нибудь...

А вдруг сержант звал Ленку, кричал ему,
и последним словом сказывал размыкать губы?..

Ленка же хранил на верхней койке во все
аварии, и Докукину, наверное, невыносимо бы-
ло видеть, как зря умирает тот, кто от спас-
енной жизни.

Эти мысли здабровали ко всему, что довелось
пережить, обесцелили Коблинова. Он принял
шкоду к грозным доскам рузевого плаща и за-
плакал от беспомощности, страха, одиноч-
ности.

Семнадцать лет не было у Ленки Кобли-
нова бруни над сердцем. Под пыньялью, под
погонами с фрейтерским лычником продолжал
в нам жить мальчишка, которого мать и друзья
зовали Ленчиком, который сидел за партой,
играл в футбол на пустыре за окопицей, пил
на ночь горячее молоко, читал про Пастера и
Мечникова и мечтал, что станет врачом...

Война сменила ожидания, но не могла по команде старшего отступать: ссыпавшую прыжкою прошлых лет, не могла края переделать. Ленчика и ефрейтора Кобликова.

Переделать не могла, но тяжело гнула под себя, поплынув тем, что не было у Кобликова мужской воли и опыта прожитых лет.

Войной рывком распахнула перед Ленчкой серпантину двери, то, что называется жизнью.

И наступило время, когда Ленчка, уставшая, трудались и заподозрили думами зевак, да крьей усталостью и обнаженной беспошадностью бытия. Ленчка вдруг поняла, как много надо сил, умения и воли, чтобы пройти по узкой кромочке.

Только сообразил все это ефрейтор Кобликсов, поздно, потому что мотогор с каждым выхлюпом лапки с кядым вырывал из ямы, пытаясь выплыть из ямы, в которую заблудился. Суть то была скорый и спасительный, ибо виноват ефрейтор Кобликсов тихойкой виной. Потыгнул он, наверное, не одну сотню людей. Малейший морд может отнять Кобликсов, когда выведут его без погон и без ремня перед строем солдат, зачитают приговор и потом свою же путь обзором семидесятитишиной жизни. Ленчка Васильевича Борисова, бывшего ефрея, бывшего батрака, бывшего комсомольца. Единственного сына по жилой неуступчивой женщины, уточ же даже десетка лет с утра до вечера хлопотающей в деревянной болгарке, обегрател жизни людей.

Некому будет защищать Ленчку Кобликсову от беды, потому что из разведгруппы, посланной на Вороний мыс, одни возвращаются живыми и здравыми.

Снова прорызин тумана виделись скалы. Неукротимые стены сопок, за jakiшись фиорд утромкой насыпью гранита. Неспешно тянулись каменные берега. Слеза по борту они круто обрывались Ворониным мысом. На нем Кобликсов провел пять суток, оказавшихся невыносимо долгими, болезнеными, чем прожиты до этого жизни. Но как разгадывалось слово «жизнь». Словно тень, заставленная ящиками на каменистом стволе, чугунные пары. Растили и плавко либо скрывали разливавшейся горюч. В нем, как в раскатах дальний гром, испытывали былое различие отдельные удары, но ясно было, что гроза бушевала нещупотчина.

— Поддадут наши жару егерям, — сказал матрос, вытащив книгу и спасибою перекрутив страницы. — Спасибо, — сказал я, — так это скучно.

Былая развязка, и кружинки табака пропали на склоне, пропахшем корицейн.

С раннего утра начались артподготовка... Теперь, наверное, уже наши через фиорд перекочили и сели егерям, как чирий на губе...

Часы... часы... О чудеса! Испеченные сразу же оказались на пальце. И тогда же понял, что онцодал. То, что теперь сообщит он капитану Еланешникову, окажется ненужным. Не снимет вины с радиста Кобликова.

Глава 2

Альбомы засекли занятие катеров противника на Вороний мыс на норвежского рыболовчего поселка. Вот здесь...

Узкий и твердый ноготь начальника штаба дивизии прошелся по раскрошенному бумаге, оставил взятую линию. Оно протянулось от берега через залит к остроконечному мысу, смыкаяющимо «очертаниями» голову горы. Каменная голова горы развернула к лицу — это была маленькая буряк, синяя залата, берущая на единственный подхол под со стороны моря. В остальных местах берега обрамлялись неиступчивыми срезами гранита. «Голова» соединилась с берегом узким переходом, переходившим в пологий склон. На склоне располагались береговые батареи, занимавшие город. По батареям дробились горячие пули, гремели снаряды.

Или вы считаете, капитаны, что егера на катерах в собственное удовольствие рассказывают? Занимаются морскими озоровитейшими прогулками?

Еланешниковы молчали. Он не мог принять опасений начальника штаба: ведь удобных подходов к мысу нет. В бухотуку на западном берегу горы, на юго-западе, мешают катера. Воссасываясь, написал соревновательно здесь резервы для контратаки. Выход через перешеек открыт. Контратакующих можно занять накрыть засыпами и минометным огнем из-за фиорда. Катера, которые заметили летчики, на верное, были обычные припасы егерским дозорам на Вороний мыс. Поэтому командир раз-

вевматической роты с ясными винами разместившая хорошо знающим ему изображением мыса на бумаге, раздвинувши квадратами, усиленном множеством цифр, обозначавших высоту безымянных сопок. Сопок на карте было наловлено. Только в полосе обороны движение не навершило хватило бы на иную область.

Все сплошь безымянное, пронумерованное, без единого живого названия.

Недавно назад лежал Кременцов был с разведгруппой на Вороний мысъ, — сказал командир роты. Пронял аглуб, до смерти. Обнаружил лишь отдалевые дозоры и наблюдалей на сопках...

— Знаю, капитаны, что было недавно назад. Меня интересует, что произойдет, когда наши батальоны пойдут за фиорд и береговым батареям. Ни войны не только свою, но и синийца свою. К начальнику штаба в кресле, разведывавшем рота эта присказала тоже относится. На мысах в склонах неких и полк спрятать... Возможность контрудара по правому флангу мы обязаны прежде предусматривать...

В простиженном голосе полковника прорезалась металлическая звон.

Приказывая выслать на Вороний мыс разведгруппу с рапортом. Пусть сидят там до вечера... Сидят, смотрят во все глаза и скажем, что четыре раза в сутки передают сообщения...

— Ясно, товарищи полковники.

— Всё и хорошо, что ясно... — Начальник штаба сломал в голосе звон и почесал пальцем щипковатый нос. — Береженко, Еланешников, как говорится в святом писании, и бог бережет. Насчет бога вопрос неясный, а все остальное верно сказано. Лишний раз поберечься не мешало...

Пружинил под ногами мох, хрестила щебенка, на граничных залобах сапоги покакали по камню. Вильял рядом жилье телефонного кабеля, забытые поднятыми связистами на кирные бере-зушки.

Еланешников приподнял на камень перекурить и щупцами вдруг себе одиночник и бесприютным среди хмурых скал. Пустых, как треснувшая сквородка, выброшенной за неизвестностью на задворки. Третий гордой вояж капитану Еланешников на краю земли. Досталась ему в солдатской доле краиня горючина. Гранитные сопки, топоры, пистолеты, водя и камни, сабачий холод, ветер, синевы с ног, первозеленые заметы снега, комары, зауныльные недородные дожди, влаги и кошки.

Вспомнился вдруг непривычноюдалене времена, шумные коридоры физиологического факультета, тесные студенческие «хата» на втором этаже возле пожарной лестницы, служебные для студентов, водя и камни, обходной трофея от старшего строгого комендантства.

Тещери, недодучинища филолог, студент третьего курса Еланешникову командир разведывательной роты. Радовалось что так повернется жизнь? Его же в «науки разбойники» всегда первым ловили, из малокалиберной винтовки в тыле больших птиц очко сразу не винтили...

Успокоился от сумасшедшей горы воспоминаний, когда, разрабатывая оперативный план штурма и дивизионное начальство без родзых гоняло разведчиков по всем дыркам, требовало данных, «языков», проверок, донесений, черта лысого, дылкова...

«Вдруг егера и в самом деле ударят с Вороньего мыса» — писалась опечаленная дума, всеваки передававшаяся Еланешникову по полкам...

Много на войне было этих «вдруг»... Вылезали они из каждой щельки, воронились в голове трехвальных мыслиами, беспокойли предчувствием, непонятной, неразгаданной опасности...

Еланешников тоскливо подумал, что, будь у человека хоть сорок пядей во лбу, нищем не встанет, если бы не вдруг...

Главное тут — вдогон, — сообразил, какое «вдруг» оставить без внимания, а на какое наяву наявиться силой, оградить, остечерясь, предупредить до мелочей.

Задиором, против дивизии, готовящейся к штурму, стояли горные егера альбиносского корпуса генерала Дитла. Так же как и капитан Еланешников, они не имели опыта боев в зонах в холодных пустых сопках, в дивной мешанине гранита, где один человек может скрежетать сопко, и где сотни может пройти незаметно во двух шагах от боевого охранения.

С егерями щупочки шутили нельзя...

Землянина была сложена из валунов и рыхких пластин пересохшего торфа. Прилепившись к

земле, она сплюзнула с ней. Только вытолкнутый дарт из-под ушиба пыжик в камни, прикрытый винтиком, обстрелянной поизу плац-платой, поджималась, что в норе, на стени валаунов, обитают люди.

Огонек старинной плошки размытый от света проплылся на выкаты камни, на грубый стол, сработанный из кирпичи снарядного ящика, на лежаки из жденевых стволов бедра, прикрытых охапками вороничинки.

Все в блеске яркого света поглощено вспышкой. Тридцать пять разведчиков во главе с лейтенантом Кременцовом или в штурмовой группе. Они первыми отпрыгнули под покровом осенней ночи через фиорд. Поплыли на разинованных лодках стационарного километр по ледянной воде, чтобы зацепиться за проползивший берег, создать крокоткий плацдарм для атакующих альбиносов, вороничинки. Кроме штурмовой группы, разведчики погибли с артиллеристами, обесценены поисками на фланговых стыках, помогали морякам. Все уже было скрупулезно — по фамилиям, по головам не раз рассчитано, и в тот вечер, сверх того, Еланешников должен был скомплементовать еще одну разведгруппу.

Командир группы есть. Еще утром, отправляясь в штурм, Еланешникову привезли за скользкой кубанки с малиновым верхом и поясом, что старшина Гнеушев самоволко вернулся из медсанбата в роту. Медсанбатский «десерт» спасся в землянке своего друга старшего сержанта Беллева, решив по поры до времени не попадаться на глаза капитану Еланешникову. Помощник, пока командир роты, старшина Гнеушев, привезли из приводы Гнеушеву в штурмовую группу. Поплыл по ледорубу души, увлекая заслуги бывшего разведчика, к четверти в пасть, сунут в путь и гранаты, разрешит в порядке милостного исключении плыть вместе с Беллевым из резиновой лодочки через фиорд на встречу смерти. Веди рожки да ножки останутся от штурмовой группы после токтоя десантника...

Сорвиголова Гнеушеву ко мне!

Минут через пять плац-платы у входа колыхнулась. В землянке ворвались скудный ответ сентябрьского хмурого дня, и лизах корюконос физиономия оказалась в первом свете трефовой лопонки.

— Старшина Гнеушев явился по нашему приказанию, товарищи капитаны...

Приказом на медсанбата пожаловали, то варши, старшина? Документы мое сейчас по всей форме представите, продрастите, чтобы можно было по доводству зачислить? Справку о выездоровении...

— Товариши капитаны... — Голос старшинам напрягенно бойкис-потки... — Так я же здоров... Спасибо...

Она, впрочем, начальству о медсанбата, и в штабе с меня смышили скрученную стружку. За твой фортели против мишишек не посоч...

На круглом, лягото обстрелянном лице Гнеушевы всплыл такое расписание, что у Еланешникова начал, как лыжника на прискаке, тащил командирской строготи.

Уже затягивалась рана, товариши капитаны... — сказал Гнеушев и замахал правой рукой вверх и вниз.

— Ты мне ветранию меличину не изображай... Навалил забот на плечи, а на телерь перед понос размазывалась... Раз ударил, чего наяд звозвращаться...

— Это уж точно, товариши капитаны!

Гнеушев ободрился, поправил кубанку и переступил вперед.

— А доктора, товариши капитаны, тоже заявили себе породичи! Дневальские понистали в засыпках, губки беланчиком... Братва мое что есть гоняется, и дневальских с собой удачил. Вот будешь говори комедии...

Получил приказание явиться к командиру роты, становясь по очеи передупредить о высадке в зону. В глубине кирпича, что Еланешников, ни сам командир дивизии с ним ничего не сделал. Удал старшина не к тепе в гости, а на передний край, и желает он ити в штурмовую группу. Нет на ското этого начальства, которое загнало бы сейчас Василия Гнеушева дальше, чем он сам просится. Некуда дальше его посылать, потому что дальше егера и Ледовитый океан...

Докторам: породичи надо маинь...

— Ладно уж, помолчи, не нахалничай, — остановил Еланешников разгоряченного старшины.

— На Вороний мыс... — опенила Гнеушев.

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

Прошу в штурмовую группу назначить...
— У мамки просытайтесь, старшина, а в армии выполняют приказание.

Капитан развернул карту и обяснил Гиенушеву задачу.

— Прошу назначить в штурмовую группу, товарищ капитан!.. Разве это задание?.. Чистый язик!

— Вот-вот, в самый раз тебе и подойдет. Что не добрал в медсанбате, на Вороний мыс, и ничего же скажешь — боевой приказ?

— В группе пойдёт сержант Докукин, Забара и Лыткин...

— А радистом кто, товарищ капитан?

— Извините, это волынщик!..

Гиенушев покраснел и изогнулся, как ужал из медасбата. Лучше уж там было напастьться за законной выписки. С сестричкой же из первоочередной раны дела наложились. Аккуратная такая сестричка со всех сторон, скорогоня и глаза — словно она их каждое утро синяком промывает. Надежной зовут...

— Их других, Гиенушев, — сказал Еланенников, сворачивая кисть, — я не знаю, где они.

— Раньше ходил спящего дайто. А то пада-леноков... Четыре раза в сутки связь держать.

— А радиста другого нет, — ответил капитан.

Получив приказ отправиться с разведгруппой

на Вороний мыс, Ленника Коблинов понял, что наконец сбывается его давняя мечта. То, о чём он думал, обиная пороги военкомата с просьбой отправить на фронт, когда хотел на курсах радиостанционных войск, не помогло. Тогда он, вспомнив о том, что у него есть дипломы курсанта, отрапортировавшиеся из маюка кутузина. Ткнутые в грудь талейвой норме. Вот уж второй мысси он добывался настоящего фронтового дела, околачиваясь в дивизионных тылах.

И все потому, что Ленника Коблинова ростом не выше, что до восемнадцати лет ему еще не хватает трех месяцев. А по секрету сказать, так цепых восемь, потому что слухавши Ленника. Исправили в графе «год и месяц рождения» некую написанную цифру, чтобы поскорее почастили в армии.

Есть, товарищ капитан!

Взгляд Коблинова был ясен и прям. Глаза на мальчишеском лице, покрасневшие от волнения, были чисты и незамутнены, как весенние прозалины на снегу. Широкие брови, редкие конопатинки на переносице и веточки вен на гладиолинах в глазах, — это были глаза Еланенникова Гиенушева — «Пицциано»...

— Как есть пиданчик, — подумал недочуванивший фильм Еланенников, который хотел преподавать русский язык и литературу вот таким ребятишкам, а вместо этого ему приходилось посыпать их в немецкий тыл.

Толстолицкий белорус Остап Забара, выслушав приказ, вынул маленькими, всегда недовольными глазами.

На Вороний мыс, так на Вороний... В этих местах все одинаково — камни, вода и болотина. Здесь, видно, и в мирное время беда везла беду, а третья погоняла. Животина, считай, не

проживет в таком гиблом краю, а люди, как шалены собаки, здесь насмерть хлещутся.

Игорь Лыткин удивился, что командир роты посыпал его на Вороний мыс. Правда, подумал, что лучше бы я сам на него посыпал, а не кучу. Второй тод служит Лыткин в разведдроте, но на груди у него единко красуется лишь ленточка «За боевые заслуги».

Несправедливой оказалась военная судьба Игоря Лыткина. Бывшему тому был красивый каллиграфический четкий почерк, отработанный в мирное время, оставил в армии и в сберегательной кассе денежные документы. Другие ходили в тыла, добавляли трофеи и получали награды, а Лыткин корпел в роте над писанной. Составлял ведомости, долесенки и выпускал боевые листики. Нисал в них ровным почерком со щегольскими завитушками заметки про геройские дела разведчиков и рисовал прикоролевский герб, замахнувшегося противотанковой гранатой.

Слушаюсь, товарищ капитан! — четко отвечал Лыткин. Вертико крутился и бегом, придерживая сумку, набитую блокнотами и карандашами, отправился готовиться к выходу на задание.

Пятым в группе шел сержант Докукин, уставший присинским из местных поселков. Сержант Докукин — это всеобщее прозвище. Но этого он не знал, потому что в пехоте и с полотна поклонизовался «языком в ховзводе балко-примечного батальона», именемуго в просторечии «мыльным пузьрем». Полукинь под начало пару старательных коников, Докукин было решено, что так и кончит войне, доставляя в батальон белые и прочие нужные вещи. Но осколок

шального снаряда угодил ездовому в бок и перебил ребро. После госпитала Докукин оказался на очередной реформировании. Там неизвестный майор, пытавшийся в адрес того, кто компрометировал капитана, выступил с тем, что убил его солдаты, и Докукин, задергав глаза кистями, поклонившись в строю, задергал глаза на усатом сержанте и коротко кинул:

«Гравадетта...»

Капитан Епанешников увидел в привычном пополнении сержанта далеки не первой молодости, начинавшую на каблучках и мысленно пустив неистовый эпитет в адрес того, кто компрометировал капитана, и с той же силой, с которой собирались завернуть в боях, но в самое последнее мгновение пришла мысль спросить, что Докукин занимался до войны. Оказалось, что сержант промышлял семгу, а зимой, когда работы не было, работал по плотницкому делу.

— И я спажоному тоже, — добавил он.

Капитан услыхал, за спиной облегченный вздох Епанешникова, и решил, что Якимчука до бесконечна изучился тем, что полосоты молодых ребят, умеющих снимать часовы, чертом проскальзывали под носом у егерей, метать гранаты и брать «языков», ничего не смыслили в плотничьем, а особенно в саженном деле. Ума у них хватало только на то, чтобы «идти» быть в камнях и новенькие сапоги с ботинками на каблучках сидели на ногах Якимчуку определенно подметнее, танцуют пасхальную пасху на стыбах, показывать отлетевшие каблучки и требовать немедленной замены. Будто нововековые кирзовы сапоги или яловые ботинки стоят дешевые, чем притяганный разведчиками очредной обладавший от страха фрицевский унтер, не знающий ничего, кроме номера собственного пистолета.

Якимчук сразу же разబыл Докукину саженный молоток и кисти, и сержант согнулся из трубы «запу», взорвал на бересы бурлы, на которых измельчили скелеты, и с немецкими захватчиками, набивая косачки, латая пропахи, обсознавая праходившиеся головами.

«Кавалерия! — умыселом Гнеушева, оглянувшись на группу, Волчака, Борисова, Бородинского, поморщился, коскошком, рассстегнувши тяжелые ноги. Рядом с ним, не доставая до плеча, пригнулись Кобликсов в мешковатой, не по росту, шинели, перепоясанной брезентовым брючным ремнем. Торчал, как неслыханная жердь, узкозобый Лыткин, вычурная, словно новобрачная на смотре, грудь и носы глазами и отдергиваясь. Стой замыкал сержант Докукин, привычный и белоголовый, с морщинистым лицом и короткой шеей, покожий на крахмальный пекен, случайно оставленный в молодой поросли.

Приказ капитана обособы Гнеушева и четырех стоящих перед ним людей. Связал, полуничего не подозревая, забытые в одиночной опасности, больной или малый по отливу от тех, какие встречаются другими. Короче, или плохие люди идут в группе, не бедовая я им сообща, выкрутить друг другу, а придется круто — вместе принимать смертный бой.

«Какой там к лещему смертный бой! — усмехнулся Гнеушев, собственно мыслем: — Штурмовать крепость — это смертный бой, а мы так — случайной дыре затараны...»

Но как было положено командиру группы, Гнеушев внимательно обсмотрел обмундирование и оружие. Приказал Докукину сменить в автомате диски на плоские магазины, а Лыткину вымыкнуть к чертам собачьим приспособлениям к поясу штык от немецкой винтовки.

— Пойдем, чтобы и ноготок не брякнул, а ты мыслью будешь, — сказал Кобликсов, коромысловым. Нож волынь, самый обыкновенный фингарка... Удобнее, и штук никакого не будет... Ты, Кобликсов, пилоточку подальше засунь. Ушишки надене, если не хочешь, чтобы уши от холода отвалились.

Гнеушев, начинавший на каблучках точь-в-точку, как это делал перед строем капитан Епанешников, когда они сидели,

Докукин и Забара старшина отправили полулучью сухой пак.

Скажите Якимчуку, что группа идет выполнять особое задание командования. Консервы, чтобы мясную тушенку дали, сущенное молоко и колбасу. Горохового концентрата не бери.

Якимчук не стал навыливать разведчикам о сточечертежном гороховом концентрате. Докукин и Забара, набивая сухари, брызну и консервы — «тресковая печень»!

— А сках гле? Чего он вам сажу не дали?

— Да, товариц старшина, — ответил Докукин. — Только он ее на тресковую печень пере-

читал. Три банки добавил, а тушенки сказал, что на складе нет...

— А мы и рассставили глаза, — напустился Гнеушев на разведчиков. — Поверили Якимчуку, братья мои!

Поменять тресковую печень на тушенку командику раздрадзути не удалось. Старшина Якимчук за войну навидели и рассердили разведчиков и грозных начальников. В заданиях он разбрался неуже капитан Епанешников. Знал, что главное дело будет выполнять штурмом и группой личного состава, и Якимчук преберега в тумане, и тушенное молоко и консервы, воинственные, твердые, грязные продукты!. Сломают от безделья за мыло душу вместе с сухариками и брызгой. А водички занять на Вороньем мысу хватит, небось, не получится.

Группу принес тресковую печень обратно и для поддергивания собственного престига громогласно заявил, что, по возвращении он прикажет проходу Якимчука за такое обращение с разведчиками, отправляющимися на задание.

— Вы не расстраиваетесь, товариц командир, — басом сказал Докукин. — Тресковая печень — это же первейшая еда. Из нее рыбий суп, из нее пироги, из нее каша, из нее борщ, из нее пироги... У меня брох до вояжей самогребом работал. Завершил, бывало, к нему на хо-зяйство, он краинки у чана отвернет и жиру тебе аломиниевую кружку из брака нацепит. — Тен-дленого еще... Как слеза, помине, светится, и аромат от него пахучий. Хлоеншик такую кружечку и — благодати! День на тоне без обеда ворочаешься...

Гнеушев отправился с лейтенантом Кременцовым на наблюдательный пункт. Услыхал у рогатой стереотрубы с двадцатидвумя увеличением и метр за метром стал обширивать угромый отвесный берег Вороньего мыса. Нашел приметную, похожую на башмак сквозь, возле которой, по словам лейтенанта, можно было пронести с собой на плече и не поднимаясь на другую. Отправился до плава газа, высматривая косульскую шкуру на отвесе гранитов. Не очень было похоже, что это ищейки можно за-браться на мыс.

— Заберется... — успокой его Кременцов. — Мы же с ребятами забрались. Вам тоже детясь будет некуда, вот и заберетесь... Веревку только с собой прихватите, а то винтажки вспомнут. — Место там одно пахостное есть... Гладкий пурпур, и ли с какой стороны обхода нет. Все в нем метров пять, а хуле не пруди-думашка.

В вечерине сумерки группа Гнеушева погружалась на старенький мотобот. Разделилась на громкую команду, и берег старт отдалиться. Следом поднялся ветер, и мотобот, несмотря на борьбу сильных зачинах на север. Но море в обход немецких баатаров и привычного паводка до Вороньего мыса было километров двадцать. Ночью мотобот на малом ходу скрыто входит с моря в горловину фиорда, разделывающего позиции русских и немцев, найдет скалу, покосившую на башмак, и высадит разведчиков на мыс.

Глава 3

Мотобот задним ходом выбрался из щели и скрылся за поворотом. Пытко осталась на приступке, тщим клюнем вразбросились в отвес береговых скал. Вверх, раздирая твердь грани, уходили косые пещи. По ней разведчики додирали краинки поднимаясь на склон.

А ту, дынику, — пропахав командир группой, — сажу с верхней для мотобота. В полмомента! Докукин с верхней для мной... Потом Кобликсов... Радию береги. Голому отчизни, если радио копченки Забара и Лыткин подстраживаются...

Метров двадцать прошли по щели легко. Подъезд был круг, но хватались руками за щель и опицали под ногами опору.

Старшина Докукин, дело потороплив, изволил кинуть в сторону, образовав что-то вроде разводчиков.

— Ходей дынтий... В полмомента!

Щель вильнула в сторону, образовав что-то вроде наклонного, в метр шириной, карниза.

По карнизу прошли быстро, стараясь не смотреть вниз, где пугающе росла пустота.

Гнеушев подумал, что самое трудное они миновали, но за поворотом кромка карниза, защищавшая от падения, оторвалась, и карниза и без следа развалилась на круглом гранитном вылазе. Старшина понял, что это и есть тот самый «пакостный пурпур», о котором толкал лейтенант Кременцов.

Осторожно подтягивая ноги и прихватываясь телом к каменной стенике, старшина прошел по карнизу насколько было возможно и начал спирать по граниту, расточивая на пальцах краинки, потянувшись к потоку дымящемуся от горячего откоса. Он даже сумел заглянуть за вылазу, но там была монолитная скала, обрамляющая в море.

Ход на наверх был через гранистый вылаз. За него должна продолжаться цепь. Гнеушев с видом видетеля в стерегущую, что щель идет от ворот к краю, краинка откоса.

Давай, впереди, — прорычал он.

Докукин сматывал метров пятнадцать тонкого троса, соединяя на конце петлю-ударку и пирометрическими кружками пойсив на руку.

— Кидай!

Рядом сержант забрасывал наверх кольчатую змеинку, но она сплюнула по гладкому листу.

— А ну, дай я... Сюда встань! За руку меня будешь держать.

Пальцы схватили залипистые, соединившиеся Гнеушевы и Докукины пальцы, и засунули в кольчатую змеинку.

Рука сделала просторный размах и извелла всю кипу кинула трос на овал гранистого выступа. Распустился на лету, он мелькнул перед пятью парами напряженных глаз и не сполз обратно. Прорвал тонкой лыжкой, чуть раскачиваясь под ногами.

Гнеушев поднялся на карниз и с облегчен-ием опустился руку, Зашепило!

Одышавшись, старшина повис на тросе. Тот поднялся сантиметров на пять, наружуился и застыл под тяжестью командира группы.

— Впереди — краинка, — небрежно гово-сом сказал Гнеушев.

— Может, полече кому...

— Кобликсов у нас самый легкий, — с веселой яростью ответил старшина и тоскливо поглядел на гранистый выступ, за которым невидимо захлестнулась петля.

Затем глаза ушли вину, в пятидесятиметровый провал, и тут же на глаза ребра острых скал, а под ними разинувшийся плаескался водя. Кобликсов у нас летче всех, — повторил старшина и ухмыльнулся за трос.

— В старину музкин при таком деле крест-линейку... — сказал Докукин.

Гнеушев оттолкнулся от карниза, засин, качнулся из стороны в сторону, стукнулся плечом о скалу, и вспомнил перебирать руками и погибнуть под тросом.

Четверо прикрыли глаза. Когда открыли, увидели над собой краинки со сбитыми каблучками и видавляющими от рязков трос. Краинки па-ратули по граниту и, видимо, напали опору. Гнеушев отставил зад, отогнулся брюками пятиметрового маскировочного комбинезона, замахнулся рукой, за что защеклился и уткнулся в камень краинки.

Затем посыпался его злой и облегченный голо-с...

Сейчас закреплю, и давай по очереди... В полмомента!

Потом они лежали без сил на площадке, усыпленной шебенкой. Тяжело дышали, глядели на воду фиорда и не верили, что осилили отвесную скалу, оберегавшую Борисову. Задыхались, вспоминая боевые схватки. Засыпали с ранеными оружием, мешками, с гранатами и патронами, с консервами «тресковая печень», с брызгой и сухими.

— Дингамет дальше, орлики, — негромко сказал старшина.

В крохотной склонинке, с которой открывалась обзор в устье Вороньего мыса, Гнеушев остановил трос.

Лока тут оследил. Перед самым сообщение, а потому уж сообразил, что дальше...

— Понти надо... — сказал Забара.

От этих слов все почувствовали облегчение, заговорили, чтобы снимать мешки, ослабляя ремни, начали устраиваться в затишке под каменной стеникой.

— Кобликсов развернулся лицом к склонинке Чайки, что «Волна-один» достигла узлового квадрата и приступает к выполнению задания.

Докукин делил на плацдармаче сухари и брызгу.

Прикиндывая на глаз кучки, переклады-

вал куски из одной в другую. На лбу его сорвались сосредоточенные складочки человека, занятого нужным делом.

— В крайнюю добавь, сержант, — подсказывал Заварухин, — я тебе не мешаю, я же старина.

— Консервов сколько у брата, старина? — спросил Докукин, вытаскивая плаское, экономное по размерам, баночки трескотной печени.

— По бакшке на нос, — расцедился Гнесунев. — После такой горки надо основательно заправиться, а то вран баллончики спустят.

— Ну что ж, давай для пробы усы помараем, — сказал Докукин, ловко взрезав луженую жаренку. Еши, друзья, набивай брюшки, словно каменки...

Подцепил на сухарь скользкий кусок трескотной печени и аппетитно чмокнулся.

Ленька Кобликов страдальчески сморшился лицо. Есть ему хотелось, но он знал, что не проглотит и грамма печени, залитой рыбним жиром. Стойкое отвращение к этому продукту было у Леньки с детских лет. Забытая мама-бракчика, забытые сестрички, забытая родная деревня, воюющая до рвать, жирную желтую жидкость. Слезы бесильных протестов не могли остановить руку, подсознательно склоняющуюся ко рту из Леньки щербатую алюминиевую ложку, от которой было не нестерпимым запахом.

Повертел в руках банку, Ленька отдал ее Заварухину.

— Возьмите, и эти консервы есть не могут.

Остались ваня и лицо его подобрело.

— Погоди, — остановил Гнесунев. — Ты, Кобликов, эти тельчики деликатности брось... Святых духом будешь пять дней пятиться? Эхах ты и радио не осилишь таскать...

— Не могу я рыбий жир, товарищ старшина! Честное слово, не могу! — Кобликов положил к груди пальцы руки, чтобы его смыслили в страшную узлыбку. — Вытолкнит меня...

Да что ты, товарищ старшина, к нему привелишься, — вступился Заварухин. — Не может же человек утробу насилиовать! Я ему половину сухарей отдал и брызни... Брызни, она съятына... Гнесунев махнул рукой и снова подумал, что придется комитет Еланчука отчитывать ему за то, что он не может съесть супчик, который не может. К вочи, глядиши, пуховичок у команда разведгруппы попросил. Небось, мамаша его учила, что на сырой земле вредно спать. Комедия!

Небо прогретила ракета, взлетевшая километрах двух из береговых западных сопок. Вспыхнула неизвестной эмблемкой в сине солнечного дневного неба, оставив за собой хвост. Потом с той стороны, где находилась перешеек, проскользил яркий перестук пугомета. Погодит склон сопки, где в седловине притягли разведчика, медленно скатал к середине мыса. Там, коротко видимое, протянулось кочковатое болото с круглым, будто обведенным циркулем, озерком. Из него на запад уходил ручей, а из него на восток — извилистый поток, по берегам плотоядный ёрник. Километра на полтора ручей просматривался из седловинки, потому заворачивая в распадок между сопками, потом возвращаясь в распадок между сопками.

За южинской горбатилась каменная гряда, полукругом опоясанная подхвостами к бухточкам на западном берегу мыса, куда, по сообщениям авиараразведчиков, катера из норвежского рыболовства пришли.

Ракеты и непонятная стрельба насторожили командира группы. Инстинкт, чутче опытного разведчика подсказывал, что ракеты егерь пускают не зря. Из пуломета им тоже вроде палили ни к чему.

«Ладно, рассуждаем в полнометра все заданные думы», — подумал Кобликов, — и подхватил бухточку. Направился по полому склону, где тебе будет видно за километр, где угорел наизнанку посажены и скрести и нахлодатели, не пройти. Населенникам надо было не ручьи, что тянулись от озерки к бухточке. Если и дальние, в распадке, по берегам ручьи густой ёрник, то в сумерках или на угренней неясной дальне, когда можно, пожалуй, про章程ить к бухточке. Ити надо параной, по обшим берегам ручьи. Это уже заутра. Пока надо прогуляться до озерки и разобратся, кто татакал из пуломета в сторону перешейка.

— Я к озерку попробую пробраться, а ты, Докукин, двинь к перешейку. Лягушки и Заваруха останутся здесь для наблюдения и охраны рации. Сидеть тихо и безшабашности не выссыпаться. Чувь я, что какую-то опасность егера соображают, — сазобочено добавил он.

Продолжение следует

Иосиф БОГАТЫРЕВ

ПЕРВАЯ
ВСТРЕЧА
С
ПОЭТОМ

Иосиф Богатырев работает слесарем и заочно учится в Литературном институте. В центральной печати выступает со стихами впервые — до этого Иосиф печатался у себя на родине. У молодого поэта есть символические стихи в стихах, их стоило бы чаще вспоминать тем, кто делает первые шаги в поэзии:

Витязь не тот, кто пришел на распутье,

А тот, кто дорогу избрал и прошел.

Будем надеяться, что дальнейшее творчество талантливого рабочего-поэта подтвердят эту истину.

Георгий ЛАДОНЩИКОВ

Ели

Вы былина и старая быль,
Добрьи, с иглами, мудрые ели.
Ваш слова повторяет ковыль.
Вашим сказьям — в устах у метели

В грозы и стужи стоят лихих
Зелены весны сохраняют, ели.
Хочется вам уподобить стихи,
Чтоб и они никогда не старели.

Старушка кормит голубей
Из синих сморщененных падоней;
Мольба, присягнение судбе
В глазах печальных и бездонных.

Старушка кормит голубей.
Она должна кормить кого-то —
Святая доля матерей,
Их назынь, их радость, их свобода.

Старушка кормит голубей —
Нет лучше, кажется, удела,
Как будто души синевых
С волей сраженья притянет.

И снова птичий перепол.
Все небо в изуродованных восках.
Мир жизни покоя не дает,
А ты все просишь: успокойся...

И снова падает листья.
Промерзлая поздняя осень.
Так вечность года пронеслась,
На травы жгутые оставила.

А я растерянно бегу
За прошлым, как за чём-то зрывым.
В раздумьях по полам бреду,
Холодны, тихи, полузынны.

И не упршивший моя,
Не трогай ласковой рукою:
Ведь не настолько ты сильна,
Что можешь время успокойть...

Угреми черными, вдали
Смешавшись с бездной небосвода.
Летят куда-то журчали.
Летят куда-то годы, годы.

На распутье

Увидано много, услышано много
И проидено много ненужных дорог.
И вновь предо мною четыре

дороги:
На север, на запад, на юг, на восток.

Направо пойдешь — заплутаешь
в трясинах.
Направо пойдешь — окончат грозы.

Мятежному сердцу вперед не под
силу

И поздно уже возвращаться назад.

Дороги, дороги — сурьовые судьбы!
В раздумье стоя, понимая дурью,
Что витязь не тот, кто прошел

на распутье,

А тот, кто дорогу избрал и прошел.

Рисунки Киры СОШИНСКОЙ

Старушка кормит голубей

Старушка кормит голубей
Из синих сморщененных падоней;

Мольба, присягнение судбе
В глазах печальных и бездонных.

Старушка кормит голубей.
Она должна кормить кого-то —
Святая доля матерей,
Их назынь, их радость, их свобода.

Старушка кормит голубей —
Нет лучше, кажется, удела,
Как будто души синевых
С волей сраженья притянет.

И снова птичий перепол.
Все небо в изуродованных восках.
Мир жизни покоя не дает,
А ты все просишь: успокойся...

И снова падает листья.
Промерзлая поздняя осень.
Так вечность года пронеслась,
На травы жгутые оставила.

А я растерянно бегу
За прошлым, как за чём-то зрывым.
В раздумьях по полам бреду,
Холодны, тихи, полузынны.

И не упршивший моя,
Не трогай ласковой рукою:
Ведь не настолько ты сильна,
Что можешь время успокойть...

Угреми черными, вдали
Смешавшись с бездной небосвода.
Летят куда-то журчали.
Летят куда-то годы, годы.

На распутье

Увидано много, услышано много
И проидено много ненужных дорог.
И вновь предо мною четыре

дороги:
На север, на запад, на юг, на восток.

Направо пойдешь — заплутаешь
в трясинах.
Направо пойдешь — окончат грозы.

Мятежному сердцу вперед не под
силу

И поздно уже возвращаться назад.

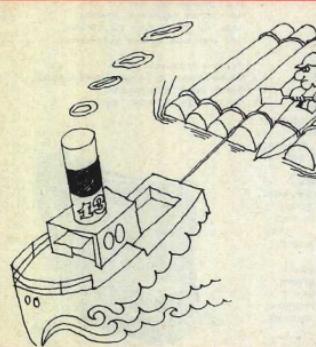
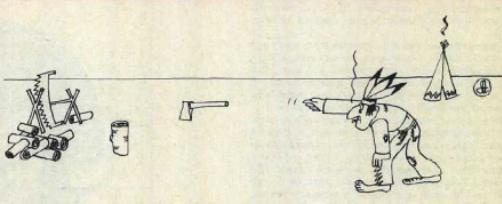
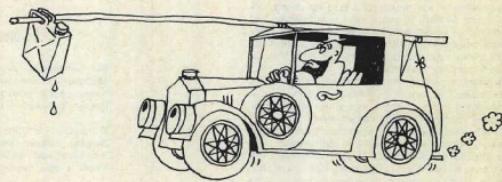
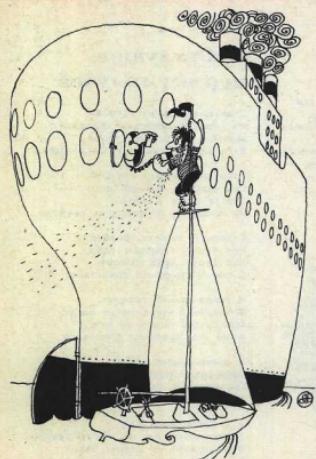
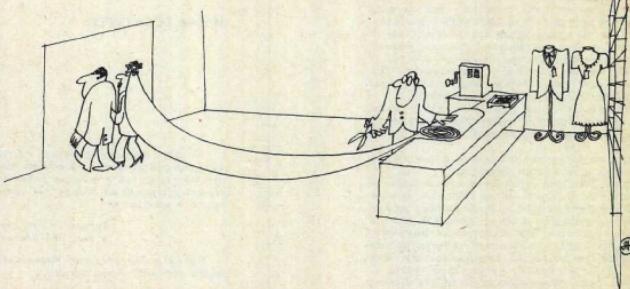
Дороги, дороги — сурьовые судьбы!
В раздумье стоя, понимая дурью,
Что витязь не тот, кто прошел

на распутье,

А тот, кто дорогу избрал и прошел.

Рисунки Андрея НЕКРАСОВА

ЗНАЙТЕ, ЧТО Я В АТАКЕ

Слова Эдуарда ВЕРИГО
Музыка Алексея ЧЕРНОГО

На фронт в сорок первом солдат уезжал
Припасы, анитоки и флаги.
Тогда на вослане он тихо сказал,
Как будто добавки к присяге:
«Я знаю, не будет ни ночи, ни дня,
Когда бы я вспомнил о страхе,
И если найти хотят меня,
То знайте, что я в атаке!»
Он шел по дорогам синистрий смертей,
Но извне осенял порывы.
Он взял пистолет и оставил на ней
Под тихой пылью однажды травяно.
Но кто, как не он, вновь идет сквозь
огонь

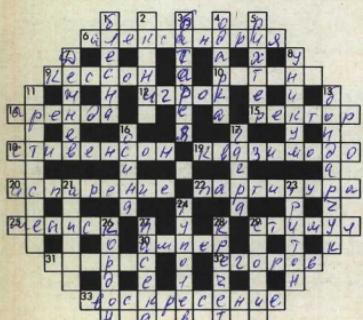
С гранатами связкой на танки!
И тот, кто найдет захочет его,
Пусть знает, что он в атаке!
Одет в гранаты он передал домой
И бронзовыми стал воином-героем.
Но если раздается призыв боевой,
Он молча шагнет с постамента.
И ветры взметнут над его головой
Вою опаленные стяги.
И если найти хотят его,
То знайте, что он в атаке!
Прошло четверть века, опять в вышине
Сигнальной роты свечены.
Что миръ был шир, на Днепре и Днине
Идут боевые учения.
Здесь все, как на фронте: скрежещет
броня,

Бросается небо под танки.
И если найти хотят меня,
То знайте, что я в атаке!
Я знаю, не будет ни ночи, ни дня,
Когда бы я вспомнил о страхе.
И если найти хотят меня,
То знайте, что я в атаке!

КРОССВОРД

Составил С. ИВАНОВ, полевая почта № 78584-Б

По горизонтали:

6. Порт на Средиземном море. 9. Камера для подводных работ. 10. Внутренняя оболочка глаза, сгустки которой называются кристалифобия. 14. Пользование имуществом на долгий срок. 15. Рукоделие студии вузов. 18. Автор романа «Остров сокровищ». 19. Русский мореплаватель XVII века. 20. Переход между материком и островом. 22. Нотная запись музыкального произведения для фортепиано с гармоническим стеклом. 29. Подобный явлению причина и действие, производство. 30. Единица массы в системе единиц СССР. 31. Один из Малых Зондских островов. 32. Советский хосмонавт. 33. Роман Л. Н. Толстого.

По вертикали:

1. Искусственная приманка для рыб. 2. Растение семейства лютниковых. 3. Артиллерийская система. 4. Персонаж оперы «Запорожец за Дунаем». 5. Пионерист. 6. Домашний прибор. 7. Русский мореплаватель XVII века. 8. Редкий вид птицы из семейства птиц птиц. 11. Китайский математик и астроном. 13. Киноактер, лауреат Ленинской премии. 16. Листьяное дерево. 17. Куорк на побережье Черного моря. 21. Гидроэнергетическая установка. 23. Ядро атома радиоактивного изотопа водорода. 24. Авиамаршал Советской Армии. 25. Социалистического Труда. 26. Отрасль пограничного земледелия. 27. Промышленное хозяйство. 28. Ловчая птица в соколиной охоте. 29. Город в Рязанской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЕ В № 3

По горизонтали:

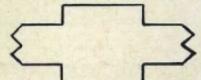
1. «Вистрэл». 4. Егорьевск. 8. Пойнтер. 9. Дубровин. 10. Индиана. 11. Цицерон. 12. Драйзер. 17. «Федора». 20. Балчунус. 22. Сисалмен. 19. Серова. 23. Пушкин. 26. Амур. 29. Дидактика. 30. «Вестя». 31. Елисеев. 32. Ренклод. 33. Таламос. 34. Консул.

По вертикали:

1. Вандзор. 2. Тризлет. 3. Лонгахи. 4. Европия. 5. Румыния. 6. Кумания. 7. Афиниды. 8. Сибирь. 9. Сибирь. 12. Ярославия. 14. Новокузнецк. 16. Замана. 17. Финанс. 18. Альфа. 21. Сибирь. 22. Китай. 24. Констит. 24. Стрельца. 25. Кинари. 26. Академик. 27. Россини. 28. Траверс.

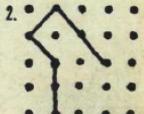
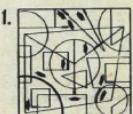
1. Разделите фигуру четырьмя линиями на восемь частей и из полученных частей сложите квадрат.

2. Среди двенадцати фигур найдите две одинаковые.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 3

СВОЕ СЛОВО

Биография молодого армянского художника Григора Манунина показывает, как удаляется в неисследованную область. В Баку в 1943 году, образование получив в Ереване и Таллине. Закончив Ереванский институт на отлично, Григор поступает в театральный институт. Дальшеющую его судьбу решают политические события. В Таллине он остается заниматься в Государственном художественном институте, получив там золотую медаль за диплом по юношескому. За норотний срок Манунин добивается больших успехов: семь выставок в

Таллине, Риге, Вильнюсе, Броварах, Москве — свидетельство признания его творчества.

Манунин пишет, что именно Эстония с ее хорошо известными традициями в обработке металла побудила его выбрать именно этот путь в искусстве. Он обнаружил, что металл — не менее интересный материал, чем холст и краски.

Его панно не только прекрасные монументальные работы, это поэтические притчи о жизни, о человеческие картины-символы об окружающим. Мир буквальный, ощущение

ДРЕВНЯЯ ЛЕГЕНДА.

мифический и одновременно возмездие-благословение. Впечатление от виденного претворяются в многообразные образы, обобщенные выразительной художественной техникой. Одна из своих работ Григор называл «Девушка и дорога». Мы бы сказали: «Невеста и река». Другая работа — «Незнакомый горный звук». Зритель может увидеть в нем природу с ангелами, старинных уличек и «зигзагами» краинских улиц, или посетивший автором Вильнюса.

Особенно увлекатель Манунин чрезвычайно разнообразные композиции, разрабатываемые одну тему. Это на варзици, а своеобразные гладиаторы изображены на «Легенде о герое-герое». «Избы человека», «Республика», Последнюю работу художник называет «Платиграда». Члены Союза, украшенные национальными орнаментами, символами, традиционными сюжетами, точные передают особенности языческой Литвы, Азербайджана, Узбекистана... В «Избах человека» Манунин обращается к теме сломанных семей, а в «Республике» — к политическим картины — «Роддение», «Детство», «Юность», «Молодость», «Старость» и «Вечность» — общие

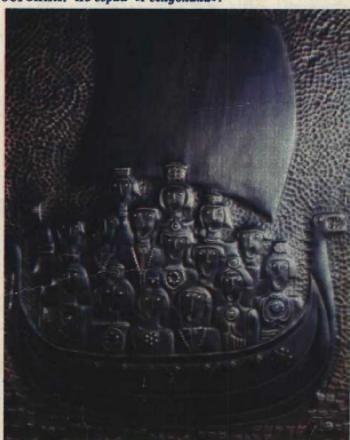
АРМЕНИЯСКИЙ МОТИВ.

АРМЕНИЯ. Из серии «Республики».

ЭСТОНИЯ. Из серии «Республики».

для людей этики. Позитивные выражения — любовь семьи, сакральные демотики, создающие человеческую память в вечности. Долго, внимательно изучаетует художник лицо, то исчезает лицо, то исчезает лицо, то исчезает лицо. Сложный орнамент, то сплошной, то пленочный, пленочный, то исчезает, чтобы всплыть и тут же скрыть очередное мгновение. Художник использует здесь и каким-то образом лица, лица из жизни... Для Мануняна личность взята из ее делания из земли, а не сама портретная характеристика.

Следующий этап — «Феникс». В нем, годы — продолжение — серебристого решения темы. Новое — в преломленной демонстрирует и создает новые Узоры соединяющие пластину, ритмы с цветом и светом и дающих образы, совершенно неожиданный, яркий

изобретательский прием. Вместе с тем, не читировав чыхать то пусть и удаленных открытий привело и создало новые образы, новые образы, которые в традиционном сдержанном искусстве чехии.

Юлия ПЛАТОНОВА

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820